

ИННОКЕНТИЙ ГИЗЕЛЬ,

(къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ Малороссіи въ XVII столѣтіи весьма немногія лица пользовались столь обширной и почетной извѣстностью, какъ кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель. Ему писали письма московскій царь и патриархъ, гетманы искали у него совѣта и посредничества. Высшія духовныя лица, кіевскій митрополитъ и черниговскій архіепископъ, дорожили его расположеніемъ. Ученые иностранцы являлись къ нему съ поклономъ или вступали съ нимъ въ дружбу и переписку. Безъ преувеличенія, Гизель долгое время былъ въ Малороссіи духовнымъ свѣточемъ, общепризнаннымъ руководителемъ по пути истины, правды, любви къ ближнему. Историкъ южно-русской церкви и историкъ южно-русской литературы съ одинаковымъ интересомъ останавливаются на Гизелѣ, первый, потому что Гизель участвовалъ во многихъ важныхъ церковныхъ событіяхъ XVII столѣтія, второй потому, что «Сановище» Гизеля имѣло вліяніе на развитіе русской исторіографіи, потому еще, что въ «Мирѣ» Гизеля до нѣкоторой степени обнаруживаются умонастроеніе и нравственный характеръ эпохи.

Гизель принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ въ нашей исторіи иностранцевъ, которые, поселившись въ Россіи, отдали ей весь свой умственный трудъ, всю свою энергію посвятили на пользу своего новаго отечества. Въ Малороссіи въ XVII ст. было два такихъ иностранца, Иннокентій Гизель и Адамъ Зервизавъ; оба вѣнцы, оба принявъ православіе, и тотъ и другой писали въ защиту православія.

Никокентій Гизель родився в Пруссіи, в реформатскомъ исповѣданіи, и тамъ-же получилъ первоначальное образованіе. Въ молодые годы онь приехалъ въ Кіевъ и здѣсь принялъ православіе. Какія обстоятельства привели Гизеля въ Украину, что побудило его принять православіе, когда произошла перемяна вѣроисповѣданія,—все это вопросы открытые, на которые древніе акты и лѣтописи не даютъ никакого отвѣта. Молодость Гизеля покрыта такимъ-же густымъ мракомъ неизвестности, какъ молодость знаменитыхъ его современниковъ, Барановича и Галатовскаго. Гизеля могла привести въ Малороссію жажда познаній, стремленіе ознакомиться съ православіемъ среди прямыхъ его послѣдователей и исповѣдниковъ, стремленіе ознакомиться вообще съ религіозными исповѣданіями въ южной и западной Россіи, исповѣданіями разнообразными и многочисленными, съ разными сектантаскими отбѣнками. Могъ Гизель явиться въ Украину, какъ простой, мирный поселенецъ. Что вѣмецкія поселенія были въ Малороссіи уже въ XVI и XVII ст., доказываетъ современный малорусскій языкъ, въ лексическомъ составѣ котораго вѣмецкія слова составляютъ значительный процентъ. Какія-бы одлаво обстоятельства ни привели Гизеля въ Малороссію, для Малороссіи человѣкъ этотъ оказался дорогимъ приобретеніемъ. Онь слился душой съ пріотивнымъ его народомъ, принялъ его вѣру и сталъ служить своему новому отечеству честно и усердно.

Въ столь бурную эпоху, какъ XVII вѣкъ въ Малороссіи, въ періодъ военной и религіозной борьбы, можно было выдвинуться или подвигами военными или трудами богословскими. Неизвѣстна намъ обстановка, а можетъ быть личная склонности и душевныя свойства Гизеля привели его на этотъ послѣдній путь, доставившій ему впоследствии столь славную извѣстность; онь принялъ монашество, получивъ, вѣроятно, при этомъ имя Никокентіа, вмѣсто имени, полученнаго при крещеніи, которое осталось неизвѣстнымъ, и пошелъ въ науку.

Особеннымъ счастьемъ для Гизеля было то, что онь приехалъ въ Малороссію въ эпоху наибольшаго религіозно-умственного ея возбужденія и когда судьбы южно-русской церкви находились въ рукахъ такого высоко-даровитаго, энергическаго и просвѣщеннаго дѣятеля, каковымъ былъ Петръ Могила, сперва печерскій архимандритъ,

дрить, потому киевскій митрополитъ. Имѣя въ виду уредить въ Кіевѣ коллегію и нуждаясь въ знающихъ и способныхъ учителяхъ, Петръ Могила избралъ вѣсколько способныхъ молодыхъ людей и послалъ ихъ на свой счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ учительству. Къ числу этихъ людей принадлежалъ Иннокентій Гизель, на что имѣется цѣльное документальное указаніе. Гавріиль Дожецькій, который самъ учился въ киево-братскомъ училищѣ, въ концѣ семнадцатаго вѣка писалъ къ новгородскому митрополиту Іову: «Пославъ Петръ Могила отъ всея каплулы киевскія въ Царьградъ къ св. патріарху, спроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латвскихъ и польскихъ училищъ и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разошлеть въ разные государства ради наукъ, между которыхъ были покойшихъ Иннокентій Гизель». Неизвѣстно, кто были товарищи Гизеля по заграничному путешествію; митрополитъ Макарій полагаетъ, довольно гадательно, что, кромя Гизеля, за границу были отправлены Софроній Почаскій, Игнатій Оксеновичъ Старуничъ и Іосифъ Конововичъ Горбачскій¹⁾. Это были «люди, испытанные въ святомъ восточномъ православіи, искушенные въ знаніи свободныхъ наукъ и благочестивые», какъ засвидѣтельствовалъ самъ митрополитъ Исаія Копинскій, со всею духовностию, въ своемъ письменномъ удостовѣреніи отъ 5 января 1632 г. Неизвѣстно, въ какихъ заграничныхъ университетехъ учился Гизель, сколько времени онъ провелъ на западѣ и какія познанія вынесъ отсюда²⁾. По его «Синопису», въ которомъ онъ обнаружилъ наклонность къ дѣятельности исторіографа, и «Миру», въ которомъ онъ трактуетъ о правахъ и обязанностяхъ христіанина, можно заключить, что Гизель, кромя богословія, слушалъ за границей исторію и юриспруденцію. Понятно, что пройденная имъ въ молодости школа по тому времени не могла быть иную, какъ только схоластическою, и Гизель всю жизнь не могъ отрѣшиться отъ вынесеннаго изъ нея догматизма, формализма, неумѣренной наклонности къ мелочнымъ де-

¹⁾ Макарій, Ист. рус. ц., т. XI, стр. 409.

²⁾ Св. Димитрій Ростовскій захѣталъ въ своей «Правдѣ», что Гизель учился «въ разныхъ школахъ, до которыхъ я черезъ моря путешествовалъ». (Сочин. III. 626). Можно думать, что Гизель былъ въ Англіи.

фіяціямъ. Весьма возможно, что схоластическая западно-европейская школа, гдѣ преобладало полемическое богословіе, содѣйствовала развитію въ Гизелѣ наклонности къ брашной и рѣзкой полемикѣ. Если однимъ южно-русскимъ ученымъ, напримѣръ, современному Барановичу, не нравилась рѣзкость полемическаго тона и диалектической задоръ Гизеля, то другимъ, напр., Петру Могилѣ, эти свойства Гизеля пришлись по вкусу. Самъ Петръ Могила любилъ сильное и крупное слово въ спорѣ съ латино-уніатами, любилъ избирать своего противника по вѣрѣ «дурлемъ» или «толсто-брюхимъ», какъ видно изъ его «Лѣваса». Петру Могилѣ оцѣнили въ Иннокентіѣ Гизелѣ его богословскія познанія, его литературную бойкость, его ревность о православіи и предоставилъ ему мѣсто сначала учителя, потомъ профессора, наконецъ ректора коллегій. Въ званіи ректора кievской коллегій Гизель долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ ученой борьбѣ съ католиками и уніатами. Еще при жизни Петра Могилы іезуитъ Николай Циховичъ вызвалъ Гизеля на публичныя релігіозныя пренія, которая продолжались три дня ¹⁾. Во время кончины Петра Могилы и избраніи Сильвестра Коссова въ кievскіе митрополиты, т. е. въ началѣ 1647 г., Иннокентій Гизель состоялъ игуменомъ братскаго монастыря и ректоромъ кievской коллегій, какъ видно изъ его подписи подъ актомъ избранія митрополита Сильвестра Коссова ²⁾. Петръ Могила передъ кончиной своей смотрѣлъ на Гизеля, какъ на главнаго покровителя коллегій и не задолго до смерти поручилъ ему употребить все стараніе на улучшеніе этого дорогаго учрежденія. Гизель свято исполнялъ завѣтъ своего знаменитаго покровителя. Онъ пользовался всякимъ благовиднымъ обстоятельствомъ, чтобы поднять значеніе коллегій въ педагогическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Такъ, онъ привлекъ въ число ея преподавателей талантливаго Барановича: при немъ здѣсь учились Галятовскій, Славинецкій, Сатановскій, вѣроятно, Симеонъ Полоцкій. Въ 1649 г. царь вызвалъ на службу въ Москву ученыхъ кievскихъ влоковъ, Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго. По этому поводу Гизель писалъ царю 8 іюня 1649 г.: «По желанію нашему прилично прехи

¹⁾ Страдомскій, «Джарь Барановичъ» въ Ж. М. Н. Пр., т. LXXV, стр. 55.

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, II, 346.

обрѣтаемъ, егда царское ваше величество отъ нашего собора учителей себѣ на богоугодную службу призываетъ». Онъ писалъ царю, что на содержаніе коллегіи средства давалъ сначала ея учредитель Петръ Могила, а послѣ его смерти въкоторыя благородныя и благочестивыя люди; такъ какъ во время начавшихся войнъ Хмельницкаго одни благоговители были убиты, другіе обдѣлили, то братія братскаго монастыря обращается къ общему благодѣтелю царю съ просьбой о помощи¹⁾. Такъ началъ свои сношенія съ Москвою Гизель; впоследствии эти сношенія были очень часты, по разнымъ поводамъ, монастырско-хозяйственнымъ и политическимъ. Ближайшее знакомство Гизель съ царемъ произошло въ іюль 1654 г. Въ этомъ году Гизель состоялъ игуменомъ николевскаго монастыря и былъ посланъ къ царю отъ митрополита и всего малорусскаго духовенства съ просьбой объ утвержденіи правъ привилегій, данныхъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ отъ польскихъ королей. Онъ представилъ царю грамоты митрополита Сильвестра Коссова, печереваго архимандрита Іосифа Тризны, черниговскаго епископа Зосимы Прокоповича, игумена кіево-архангельскаго златоверхаго монастыря Феодосія Василевича, наместника кіевского братскаго монастыря Феодосія Софоновича, съ рекомендательными и одобрительными письмами Богдана Хмельницкаго и Ив. Выговскаго. Въ грамотахъ заключались большіе просьбы объ утвержденіи правъ на местности, о выдачѣ жалованья, иконъ, ризъ, книгъ. Эта высокая миссія Гизеля показывается, каковыя большія довѣренія и уваженія онъ пользовался среди малорусскаго духовенства. Что гетманъ Богданъ Хмельницкій и генеральный цесарь Выговскій также съ большіи уваженіемъ относились къ николевскому игумену, видно изъ данныхъ ими Гизелю одобрительныхъ грамотъ: «Пречестный господиень отецъ Иннокентій Гизель, писалъ Богданъ Хмельницкій царю, игумень николевскій, бывши учителемъ монастыря братскаго училища кіевскихъ, послужить много церкви Божіей ученіемъ и за вѣру много пострадалъ, и много имѣнія монастырскаго ляхи и литва разграбили»²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III, № 323.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, X., 717, 733, 736.

Въ чемъ состояли главныя желанія малорусскаго духовенства и его уполномоченнаго Гизеля, видно изъ статей, которыя представлялъ Гизель царю отъ имени митрополита Сильвестра. Въ статьяхъ излагались просьбы: 1) чтобы государь позволилъ утвердить вольности и привилегіи малорусскаго духовенства, дарованныя великими князьями кіевскими и польскими королями; 2) чтобы малорусское духовенство не было отдалено отъ послушанія константинопольскому патріарху; 3) чтобы кіевскій митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены пребывали до смерти каждый при своей должности, а преемники на мѣста ихъ поступали по вольному избранію духовныхъ и мірянъ, и чтобы московскихъ духовныхъ на ревизію и на всякія начальства въ Малороссію государь не принималъ; 4) чтобы признано было за кіевскимъ митрополитомъ право безапелляціоннаго суда надъ духовными лицами и ввочетое духовенство не отсылалось изъ Великороссіи; 5) чтобы православные въ Литвѣ и на Волыни свободно могли спосылаться съ кіевскимъ митрополитомъ, какъ своимъ пастыремъ; 6) чтобы церквамъ и монастырямъ были возвращены неправильно отнятыя у нихъ имѣнія и въ замѣнъ имѣній, оставшихся въ Литвѣ и на Волыни, даны были другія имѣнія въблизи Кіева; 7) чтобы никого изъ малорусскихъ духовныхъ лицъ насильно не таяло въ Москву, а если кому изъ нихъ случится по дѣламъ быть въ Великороссіи, то чтобы они не были тамъ задерживаемы.

Представляя государю всѣ эти статьи въ русскомъ станѣ подъ Смоленскомъ, Гизель говорилъ: «кіевскій митрополитъ бьетъ съ нами челомъ вашему царскому величеству о всѣхъ вольностяхъ и правахъ, по наибольше о первой вольности, которая служить корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей и правъ, о послушаніи нашему верховнѣйшему пастырю константинопольскому, до котораго насъ и право Божіе чрезъ св. ап. Андрея и каноны св. отецъ прилучили и собокупили»...

Московскому правительству именно эта «первая» вольность малорусскаго духовенства особенно не нравилась. Вполнѣ забрать въ руки малорусское духовенство, устранить малорусскія особенности религіознаго быта можно было не иначе, какъ перешагнувъ или испровергнувъ эту «первую» вольность. Малорусское посольство предстало передъ царемъ въ іюлѣ 1654 г.; но уже въ

марѣ этого года царемъ было объявлено роговое для малорусскаго духовенства рѣшеніе: «а митрополиту кievскому, также и инымъ духовнымъ Малыя Россіи быть подь благословеніемъ святаѣйшаго патріарха московскаго»¹⁾. Практическое осуществленіе этого рѣшенія было лишь вопросомъ времени; московское правительство могло его отложить до поры до времени, но не могло и не хотѣло отказать: этого требовалъ самый ходъ церковно-историческихъ событій, это истекало изъ всего политическаго строя московскаго государства. Для московскихъ людей XVII ст. просьба малороссіянъ о сохраненіи вольностей должна была звучать очень странно, и самое слово «вольность» должно было представляться чѣмъ то еретическимъ.

Посольство малорусское къ царю не имѣло успѣха. Главнымъ статья были отклонены. Царь обѣщаль Гизелю обеудити ихъ, по возвращеніи въ Москву. Кіевскому воеводѣ была послана царская грамота, чтобы онъ не вступалъ въ духовныя дѣла. Государь пожаловалъ Гизеля и имѣтѣ съ нимъ прибывшаго подь Смоленскъ Казимеія Старушича (искужена выдубицкаго монастыря) соболями и деньгами. Кромя того, съ Гизелемъ отправлены были въ Кіевъ митрополиту Сильвестру сорокъ соболей во сто рублей, епископу Зосимѣ и печерскому архимандриту Іосифу по сороку соболей, въ семьдесятъ рублей каждый сорокъ, да въ монастыри златоверхомыхайловскій и выдубицкій на церковное строеніе по сороку соболей, въ пятьдесятъ рублей каждый²⁾.

Въ 1656 году Иннокентій Гизель получалъ высокій санъ архимандрита кievо-печерской лавры,³⁾ въ которомъ пробылъ двадцать семь лѣтъ, до самой своей кончины. Печерская лавра, какъ ставропигія константинопольскаго патріарха, не зависѣла отъ кievскаго митрополита; ея пастырь былъ властнымъ, вліятельнымъ, ни отъ кого въ Малороссіи независимымъ лицомъ; въ его рукахъ находились громадныя монастырскія маистности; печерскій архимандритъ участвовалъ во всѣхъ важныхъ церковныхъ событій въ Малороссіи. Московское и польское правительства одинаково соз-

¹⁾ Макаріи. Пет. рус. ц., т. XII, стр. 83.

²⁾ Тамъ-же., т. XII, стр. 82.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи. II. 346.

павали его нравственную силу въ край и въ смутныя эпохи складывали его на свою сторону посланкой тайныхъ агентовъ или подарками, причемъ успѣхъ имѣло лишь правительство московское. На высочій постъ печерскаго архимандрита возводились люди всегда достойные, соединившіе благочестіе съ образованностью. Необходимость серьезнаго научнаго и литературнаго развитія печерскаго архимандрита обуславливалась тѣмъ, что ему часто приходилось вести литературную борьбу съ католиками и униатами, давать одобреніе и разрѣшеніе на печатаніе въ лаврской типографіи книгъ, послѣ предварительнаго просмотра рукописи, удовлетворять любознательности пріѣзжавшихъ въ Кіевъ ученыхъ иностранцевъ. При избраніи архимандрита печерскаго имѣли также въ виду, чтобы кандидатъ на это высокое званіе былъ человѣкъ дѣятельный, хозяйственный, расчетливый, съ яснымъ практическимъ умомъ, такъ какъ только такой человѣкъ могъ достаточно хорошо завѣдывать обширнымъ лаврскимъ имуществомъ и отстранять его неприкосновенность отъ многочисленныхъ сосѣдей. Всѣми этими качествами Гизель обладалъ вполне. Это былъ человѣкъ умный, хорошо образованный и въ добавокъ «письменный». Онъ могъ выдержать ученой диспутъ съ католиками, могъ составить богословское полемическое сочиненіе. Кроме того, это былъ человѣкъ яснаго практическаго ума. Свободный отъ унизительнаго корыстолюбія, ни разу не обнаруживъ желанія захватить чужую собственность, какъ-бы плохо она ни лежала на лаврскихъ земельныхъ границахъ, Гизель твердо и энергично отстаивалъ неприкосновенность и цѣлость лаврскихъ владѣній и отстаивалъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что свелось непосредственно съ царемъ и сумѣлъ обратить его вниманіе и благотворительность на лавру.

Въ XVII и отчасти въ XVIII ст. печерская архимандрія считалась ближайшей ступенью къ кіевской митрополичьей кафедрѣ. Многіе печерскіе архимандриты удостоены были званія митрополита кіевского; напримѣръ, Петръ Мосила, Варлаамъ Яевскій, Іосифъ Кроковскій, Тимофей Щербачій. Черезъ годъ послѣ избранія Гизеля архимандритомъ печерской лавры, онъ выставленъ былъ кіевскимъ духовенствомъ, какъ самый достойный кандидатъ на мѣсто кіевского митрополита, послѣ смерти Сильвестра Коссова. Заявляя объ этомъ царскому послу Кекину, кіевское духовенство высказала-

лось въ томъ смыслѣ, чтобы Гизель, по избраніи, былъ рукоположенъ московскимъ патриархомъ и состоялъ подъ властью послѣдняго. Трудно судить, насколько искренно было послѣднее заволеніе. Подъ Смоленскомъ въ 1654 г., въ Кіевѣ въ 1666 г., вообще неоднократно Гизель выражалъ свое и всего духовенства желаніе остаться въ зависимости исключительно отъ константинопольскаго патриарха. Какъ-бы ни было, 18 ноября 1657 г. состоялся предварительный съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для избранія митрополита. На съѣздъ прибыли только-что избранный въ гетманы Выговскій, затѣмъ черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ, виленьскій архимандритъ Іосифъ Тукальскій, черниговскій архимандритъ Іосифъ Мендериновъ и шамбетники львовскаго и чернышольскаго епископовъ. На съѣздѣ не было многихъ духовныхъ лицъ, но было епископовъ,—Арсенія Желиборскаго, Діонисія Балабана, ни самаго Гизеля, ни одного кіевскаго архимандрита, ни одного кіевскаго игумена. Не явились на съѣздъ и царскіе поводы. По волю митрополита Макарія, кіевское духовенство потому уклонялось отъ участія въ съѣздѣ, что не рассчитывало на избраніе въ митрополиты Гизеля¹⁾. На съѣздѣ выбрали на кіевскую митрополию Діонисія Балабана, Іосифа Тукальскаго и Арсенія Желиборскаго, но ни на комъ окончательно не остановились и отложили выборы до 6 декабря. Весьма возможно, что Гизель самъ не пожелалъ конкурировать съ малорусскими іерархами въ достиженіе митрополитскаго сана и добровольно уклонился отъ избранія на постъ митрополита, чтобы сохранить расположеніе духовенства и правительства. Ему нельзя было не видѣть, какъ съ одной стороны все южно-русское духовенство усиливалось оставаться подъ духовнымъ главенствомъ константинопольскаго патриарха и какъ съ другой правительство московское всеюловно стремилось къ подчиненію малорусскаго духовенства московскому патриарху, и вичего пѣтъ удивительнаго, если Гизель не пожелалъ повать между ваковальней и молотомъ и благоразумно предпочелъ отграничиться печерской архимандріей, которая въ матеріальномъ отношеніи была лучше обставлена, чѣмъ самая митрополія. На съѣздѣ 6 декабря въ кіевскіе митрополиты избранъ былъ дудкій епископъ Діонисій Балабанъ.

¹⁾ Макарій, *Ист. рус. ц.*, т. XII, стр. 541.

Что Гизель добровольно могъ уклониться отъ кандидатуры въ митрополиты, на это указываетъ еще и то, что онъ остался въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Лазаремъ Барановичемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ созваніи съѣздовъ, а при избраніи митрополитомъ Діонсіемъ не сталъ въ враждебныя или холодныя отношенія и къ этому послѣднему, чего не могло-бы случиться, если-бы Гизель имѣлъ серьезныя домогательства занять митрополитчій столъ и быть ильмъ либо отстраненъ отъ того, на что онъ имѣлъ весьма солидное право по своему іерархическому положенію и образовательному цензу.

Новоизбранный митрополитъ Діонсій скоро оставилъ Кіевъ, передавъсь вмѣстѣ съ гетманомъ Выговскимъ Польшѣ, по гадяцкому договору. Какъ известно, договоръ этотъ сулилъ Малороссіи великія и богатыя милости: свободу вѣроисповѣданія, свободу печати, административную и политическую автономію. Осторожный и благоразумный Гизель не повѣрилъ широкимъ польскимъ обѣщаніямъ. «Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, висель кіевскій воєвода къ царю, тебѣ, великому государю, служатъ вѣрно, и гетману и полковникамъ говорить, не боясь отъ нихъ ничего». Нѣжинскій протоиерей Максимъ Филимоновъ въ писемѣ своемъ отъ 25 мая 1659 г. въ боярину князю А. Н. Трубецкому, командовавшему московскими войсками въ Малороссіи, между прочимъ извѣщаль его: «митрополитъ кіевскій и всѣ владыки и архимандриты, какъ Тукальскій, Василевичъ (игумень слудскій) и протоиереи нѣкоторые до Варшавы къ королю на сеймъ поѣхали, на вечестивое собраніе. Только отецъ Гизель, игумень межигорскій отецъ Варнава и отецъ Клементій Старушничъ, игумень выдубицкій, непоколебимо стоять; а отецъ Барановичъ тако-жъ въ печерскомъ монастырѣ немощень»¹⁾.

Не смотря на очевидную готовность Гизеля служить московскому государству, его обитель и принадлежавшія ей обширныя маестности много страдали отъ велькорусскихъ ратныхъ людей. Стоявшее въ г. Кіевѣ и Малороссіи московское войско поступало здѣсь какъ-бы въ непріятельской странѣ: недостатокъ дисциплины и крайняя бѣдность влекли его къ грабежу и кражамъ, а отъ нихъ доставалось нерѣдко и управляемой Гизелемъ обители печерской.

¹⁾ Мазарій. Ист. рус. к., т. XII, стр. 553.

«Обидъ и насилій вапнахъ, писалъ Гизель 16 іюня 1661 г. въ царю, яже ратные люди кіевскіе разными времями обители святой пещерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть маюгльхъ повѣство, что многіе прежде вотчины и хуторы пресватоі Богородицы отъ нихъ есть разорены, церкви разрушены, престолы опровержены, таibly святыхъ съ сосудовъ помстаны, священники обважены, вноки за вью связаны, біены, порублены, а пные и на смерть побиты, и подданные наши отъ убожества и пожитковъ своихъ разорены, а нные помучены и помечены, а ннымъ руки и ноги отбичены, проція-же на смерть побиты. Также и въ самой святой обители и въ больницѣ хлѣбные запасы, которыхъ себѣ на 2400 рублей реди смѣемъ, сильно потравлены, кромѣ запасовъ съ нашего мѣстечка поиманы. Отсебѣ намъ вѣдомо есть, что по повелѣнію начальныхъ своихъ ратные люди то чинять, и по нашему челобіттю ихъ не наказуютъ и уравы святой не чинять¹⁾».

И тѣмъ не мѣше Гизель искренно и усердно служилъ интересамъ московскаго государства и былъ вѣренъ царю. Своимъ авторитетнымъ словомъ онъ склонялъ малороссіянъ на сторону Москвы, уравнивалъ и убѣждалъ самаго Дорошенка «не мыслить о подлѣяствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ на закону стоему во спасеніе себѣ вмѣняють, и уговаривалъ его покориться православному монарху московскому²⁾». Когда московскія войска терпѣли недостатокъ въ провіантѣ или долгое время не получали жалованья, что случалось нерѣдко и доводило ратныхъ людей до нищцискаго состоянія, Гизель оказывалъ имъ пособіе или давалъ взаимы деньги царскимъ воеводамъ, которыя потомъ уплачивались царскоі казвой³⁾. При благоприятномъ случаѣ, Гизель оберегалъ честь и доброе имя Москвы. Такъ въ 1669 г. онъ, по просьбѣ царя, выслалъ въ Москву пасквиль, составленный въ Польшѣ на московское государство. Вручая пасквиль подьячему Максиму Алексѣеву для доставки въ Москву, онъ не сказалъ ему, что это за квіта, чтобы, какъ онъ писалъ въ Москву, «о той квітѣ не было явно». Когда по этому дѣлу пріѣхалъ въ Кіевъ подьячій Михаилъ Савинъ.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. V, № 69.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 15.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. XII, № 119.

то Гизель сказалъ ему, что онъ давно хотѣлъ отослать пасквиль къ царю, но не посмѣлъ отправить, чтобы въ Москвѣ его, Гизеля, не сочли авторомъ пасквиля¹⁾. Гизель увѣдомлялъ московское правительство объ интригахъ польсковъ, отсылалъ въ Москву польскіе «прелестныя» листы, знакомилъ царя и воеводъ съ внутреннимъ состояніемъ Малороссіи.

Расположеніе къ Москвѣ вліятельнаго и популярнаго Иннокентія Гизеля имѣло большое значеніе, и наиболѣе опытные московскіе политики понимали это значеніе и старались закрѣпить московскія симпатіи печерскаго архимандрита царскимъ жалованьемъ. «Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Нащокину въ 1667 г., что печерскій архимандритъ съ Тубальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣють. Хорошо было-бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и тремя боярскими писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ; также-бы отписать и къ прочимъ игуменамъ и братіи кіевскихъ монастырей, потому что черезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться, согласнее и развратное»²⁾.

Но услужливость Гизеля Москвѣ имѣла строго опредѣленныя границы. Она кончалась тамъ, гдѣ начинались крупныя малорусскіе національныя интересы. Въ сохраненіи вольностей малорусскаго духовенства Гизель былъ твердъ. Въ 1666 г. онъ рѣшительно заявилъ московскому послу Іоаннъ Леоптьевичу, что, въ случаѣ назначенія въ Кіевъ митрополитомъ великоросса, о чемъ просилъ въ Москвѣ гетманъ Брюховецкій, онъ, собравъ старцевъ, запретя въ монастырѣ³⁾. Въ томъ-же году, 3 мая, въ печерской лаврѣ былъ обѣдъ; обѣдали московскій посолъ Фроловъ, епископъ Менодій, Иннокентій Гизель, много другихъ духовныхъ лицъ, кіевскій полковникъ Дворенскій. После обѣда пошли въ архимандріячью келью и здѣсь пили здоровье бояръ и окольничьихъ. На предложеніе Фролова выпить за здоровье гетмана, духовенство крикнуло: «онъ намъ злодѣй, а не доброхотъ; бывши въ Москвѣ, онъ великому государю былъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобы въ Кіевѣ былъ москов-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 39.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XII, стр. 17.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VI, № 147.

скому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставить передъ великимъ государемъ какъ-бы невѣрными»¹⁾.

Отношеніе московскаго правительства къ Гизелю опредѣлялось степенью услужливости послѣдняго. Въ Москвѣ знали, что Гизель вовсе не расположенъ подчиняться московскому патріарху, знали, что онъ не продастъ малорусскія вольности ни за какія сороки соболей, и потому не совсѣмъ ему довѣряли и не выдвигали его на первое іерархическое мѣсто въ Малороссіи, кievскую митрополію. Московское правительство не могло однако не цѣнить въ лицѣ Гизеля своего полезнаго и вліятельнаго сторонника. Гизель получалъ большія награды и подарки отъ царя. Такъ въ 1669 г. царь прислалъ печерской лаврѣ черезъ боярина Козловскаго пять сороковъ соболей и сѣтьсотъ червонныхъ золотыхъ²⁾. Московское правительство обѣщало Гизелю безопасное убѣжище, въ случаѣ турецкаго нашествія. Такъ въ августѣ 1674 г. Гизель просилъ царя позволить ему, въ случаѣ турецкаго нападешія на Кіевъ, перевезти лаврскія драгоценности въ Путивль или въ другое безопасное мѣсто, по указанію царя. Въ отвѣтной грамотѣ царь разрѣшилъ перевезти лаврское золото и серебро, въ случаѣ турецкаго нашествія, изъ печерскаго монастыря въ г. Кіевъ. Кіевскому воеводѣ князю Трубецкому была послана при этомъ приказъ «печерскаго архимандрита принять съ учтивостію»³⁾. Повидному, печерскій архимандритъ разсчитывалъ, что царь дастъ лаврѣ одинъ изъ близкихъ къ малорусской границѣ великорусскихъ монастырей. 8 марта 1680 г. Гизель отправилъ въ Москву посольство изъ старцевъ Пансія, Варлаама Исенинскаго и писаря Ивана Армашенка съ просьбой къ царю пожаловать лаврѣ какой-либо монастырь въ Брянскѣ или въ Трубчевскѣ, гдѣ-бы печерскій архимандритъ могъ-бы поселиться, въ случаѣ непріятельскаго нашествія⁴⁾. Въ 1681 г. царь Федоръ Алексѣевичъ почтилъ Гизеля тѣмъ, что выслалъ ему въ подарокъ «Обѣдъ душевный», книгу Симеона Полоцкаго, которая одновременно была послана герману

¹⁾ Соловьевъ, т. XI, стр. 216; Акты южн. и запад. Россіа, т. VI, № 103.

²⁾ Акты южн. и запад. Россіа, т. VIII, № 71.

³⁾ Тамъ-же, т. XI, № 169.

⁴⁾ Моск. Архивъ Мин. Ин. Дѣл. Малор. дѣла, связка 52.

Самойловичу, Лазарю Барановичу и Варлааму Ясненскому ¹⁾. Послѣ смерти царя Феодора, молодые цари Іоаннъ и Пётръ (вѣрнѣе, правительница царевна Софья) были благосклонны къ Гизелю. Такъ, въ 1683 г. они выслали въ кіево-печерскую лавру священные одежды, чтобы здѣсь поминали царя Феодора, и Гизель въ письмѣ отъ 20 августа 1683 г. благодарилъ царей за нѣхъ подарокъ лаврѣ ²⁾.

Бывъ открытымъ сторонникомъ Москвы, хотя въ извѣстныхъ границахъ, и пользуясь ся расположеніемъ, Гизель тѣмъ самымъ затруднял и усложнял свои жѣтвыя отношенія къ выдающимся лицамъ малорусской старшины и духовенства, но поддерживалъ оныя, если не всегда съ успѣхомъ, то всегда съ достоинствомъ и искусствомъ.

Къ несчастному митрополиту Іосифу Тувальскому Гизель питалъ дружеское расположеніе и во мѣрѣ своихъ силъ поддерживалъ его. «Изъ давнихъ лѣтъ мнѣ и всѣмъ есть се достовѣрно, писалъ Гизель къ царю 20 марта 1669 г., что преосвященный Іосифъ Нелюбовичъ-Тувальскій, иже отъ православныхъ прежде лѣтъ пяти въ архіепископа и митрополита кіевского избранъ, а сего году святѣйшимъ Меодіемъ, патриархомъ константинопольскимъ присланною сакрою и экзаршествомъ благословенъ, мужъ мудрый, благочестивый, во всемъ искусный, православія преславный ревнитель, вѣры святыя восточныя столбъ непоколебимый, вашему же ц.-л. величеству отъ всего сердца временныхъ и вѣчныхъ благъ желатель и работати вѣчно добротехя... А преосвященнаго митрополита Іосифа за его ревность ко православію и весь чинъ здѣшній благоволять... Никому оныя ни въ чемъ не виноваты, развѣ что твердый охраненія православія тицатель; во всемъ-бо своемъ вѣку за сіе до-нынѣ гонимъ бывалъ много отъ иновѣрныхъ и враждою Тетеряною страдалъ, отъ престола своего епископіи бѣлорусской и отъ прочихъ монастырей православныхъ, аще и привалиа на нь отъ королевскаго вѣщества имѣль, отторженъ безъ вины, и его монастыри и церкви на убію и римскую вѣру насиліемъ вѣзты и на самого тяжкія грозы были и для чего здѣ на Украинѣ, идѣ-же еще православіе не искоренилось, отъѣхати понужденъ, и

¹⁾ Моск. Архивъ Мин. Ив. Д., Малорос. д., связка 56 и 57.

²⁾ Тамъ-же, связка 60.

не согласуя явнымъ на унию соизволяющимъ за тѣспоту... Досто-
вѣрно-бо есть намъ его по Божѣ житіе и надѣемся, что и тѣмъ
козакъ шатости и съ турки соединитися не похотятъ, егда сей
митрополитъ въ Кіевѣ по своему сану сидѣть будетъ, который и
вашему царскому величеству не безпотребенъ обрящется: зѣлю-бо
мужь сей въ ученіяхъ и подвигахъ изъ древнихъ лѣтъ честенъ и
знаемъ, во всякихъ гоненіяхъ и иновѣрныхъ нравахъ искусенъ и
разсудителенъ¹⁾. О любви Гизеля къ Тукальскому писали и вос-
води кіевскіе въ Москву. Въ томъ-же 1669 г., въ апрѣлѣ Гизель
снова просилъ царя признать Тукальскаго кіевскимъ митрополитомъ²⁾.
Но ходатайства Гизеля не имѣли успѣха. Въ Москвѣ не знали
изъ прощенія, ни снисхожденія. Здѣсь призывали только наличную
услугу и расплачивались за нее соболями.

При гетманѣ Брюховецкомъ блюстителемъ митрополитвѣеи ка-
ведры былъ свѣже-посвященный въ Москвѣ изъ протопопа нѣкни-
слаго въ епископы мстиславскіе Меодій Филимоновичъ, человекъ
умный, но крайне проницливый, насквозь пропитанный ласкою,
честолюбецъ и интриганъ первой руки. Между Гизелемъ съ одной
стороны и Меодіемъ и Брюховецкимъ съ другой существовали
враждебныя отношенія. Гизель сильно недолюбливалъ выскочку
Меодія и старался посадить на его блюстительское мѣсто своего
талантливаго друга Лазаря Барановича; но направленные къ тому
попытки кіевскаго духовенства не имѣли успѣха. Епископъ Ме-
одій, по своему обыкновенію, постарался повредить Гизелю ду-
тежъ доносомъ и обвиненіемъ его въ сношеніи съ Дороженкомъ. На до-
просъ боярина Шереметева, Гизель съ достоинствомъ отвѣтилъ,
что дѣйствительно писалъ чигиринскому гетману, но лишь о томъ,
чтобы онъ воспретилъ козакамъ грабить имѣнія нечеркаго мона-
стыря. Брюховецкій притѣснвалъ Гизеля грубымъ образомъ. Съ
его вѣдома и соизволенія козакъ грабили лаврскія села, близъ мо-
настырскихъ крестьянъ, уводили коней и воловъ, безчестили мо-
наховъ. Архимандритъ просилъ у него защиты; но просьбы его
были пренебрежены, и потому онъ пересталъ молиться за гетмана.
Но когда Брюховецкому понадобилось помориться съ епископомъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 30.

²⁾ Тамъ-же, т. IX, № 41.

Меодіємъ, оиъ съ просьбой о посредничествѣ обратился къ Иннокентію Гизелю¹⁾. Съ паденіемъ Брюховецкаго и Меодія, въ характерѣ которыхъ было много сходныхъ чертъ холопства и жестокости, съ устраненіемъ съ историческаго поприща этихъ худородныхъ дѣятелей, Гизель вздохнулъ свободно. Новый мѣстоблюститель кievской митрополія Лазарь Барановичъ былъ искренній другъ Гизеля; замѣнившій въ гетманствѣ Брюховецкаго Демьянъ Многогрѣшный нравственно зависѣлъ отъ архіепископа Лазаря и въ значительной степени слѣдовалъ его указаніямъ, а слѣдующій затѣмъ гетманъ Самойловичъ самъ происходилъ изъ духовнаго званія, уважалъ духовенство и покровительствовалъ монастырямъ.

Многочисная дружба Гизеля и Барановича ни разу не была нарушена. Былъ одинъ моментъ, когда Барановичъ, подбиваемый совѣтами погородь-сѣверскаго архимандрита Михаила Лешайскаго, хотѣлъ отнять у лавры нѣкоторыя села. Это было въ концѣ 1670 г. Гизель въ письмѣ отъ 10 января 1671 г. жаловался по этому поводу А. С. Матвѣеву на Лешайскаго²⁾. Но это недоразумѣніе кончилось благополучно и нисколько не повредило дружбѣ Гизеля и Барановича. Гизель, отстаивая права лавры на разныя маестности, очень осторожно обходилъ тѣ пункты, гдѣ можно было столкнуться съ Барановичемъ. Такъ, въ 1669 г. 15 апрѣля Гизель просилъ царя признать за печерской лаврой ея древнее право владѣнія черниговской успенской церковью и погородь-сѣверскія сласкскіе монастыремъ съ относящимися къ нимъ угодьями. «Тѣ предѣлы, писалъ Гизель въ своей челобитной, отъ печерскаго монастыря отвали дяхи, а нинѣ владѣть имъ отецъ архіепископъ Лазарь Барановичъ и отъ него архимандритъ (т. е. оиъ Гизель) не хотятъ тѣхъ предѣловъ отнимать до смерти его, для его любви, а по его смерти, чтобы никому не отдавало, только монастырю печерскому и чтобы ц. и. величество грамотою подтверждалъ»³⁾. Между Гизелемъ и Барановичемъ шла частая переписка. Барановичъ сообщалъ ему все свои душевныя желанія и мысли. Въ печати извѣстно 25 его писемъ къ печерскому архимандриту, и это лишь незначи-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рус., т. XII, стр. 22, 41.

²⁾ Акты восточной и западной Россіи, т. IX, № 85.

³⁾ Тамъ-же, т. VIII, № 48, стр. 148.

тельная часть того, что было написано архіепископомъ Лазаремъ Гизелю. Есть основаніе думать, что Инокентій Гизель благотворилъ Барановичу еще въ то время, когда завѣдывалъ коллегіей, а Барановичъ былъ здѣсь преподавателемъ. Барановичъ смотрѣлъ на печерскаго архимандрита, какъ на своего благодѣтеля. «Нѣ вамъ особенно, писалъ онъ Гизелю въ іюлѣ 1669 г., какъ къ давнишнему и единственному моему благодѣтелю, съ покорнѣйшею моею просьбою и со слезами обращаюсь»¹⁾. «Въ знакъ благодарности моеї его милости отцу архимандриту, писалъ Барановичъ Варлааму Искіевоу, а паче во славу св. мученика Ивнокентія, и написавъ житіе его, изобразивъ въ общихъ чертахъ обстоятельства его мученичества»²⁾. Въ началѣ семидесятихъ годовъ, въ столкновеніи Гизеля съ игуменомъ выдубицкимъ Феодосіемъ Углицкимъ взяла мѣстностей, архіепископъ Лазарь рѣшительно сталъ на сторону печерскаго архимандрита. «Сильно радуется на васъ и жалебу изливаетъ на бумагу, писалъ Барановичъ Углицкому, преслабый отецъ нашъ архимандритъ печерскій, будто вы на лаврскихъ поляхъ приказываете бить до крови, обирать и изгнать поселянъ, не довольствуетесь тѣмъ, чѣмъ довольствовались капи предѣлствами... Не нужно говорить вамъ, вы и сами знаете хорошо, какая особа въ церкви Божіей отецъ архимандритъ и сколько обязалъ онъ ей услугъ. Не прибавляйте къ скорбямъ его новыхъ скорбей, но, имѣя, по Апостолу, *милъ со всѣми*, имѣйте его особенно съ лицемъ, заслуженнымъ въ церкви Божіей. Отецъ архимандритъ пишетъ, что онъ не желаетъ чужаго. Давно скажите: услуги старшему». Въ другомъ письмѣ отъ 2 октября 1674 г. Барановичъ писалъ Углицкому: «Сводилъ я васъ на святой миръ съ отцомъ архимандритомъ печерскимъ, думая, что вы смиритесь предъ нимъ, какъ предъ старшимъ и заслуженнѣйшимъ въ церкви Божіей; и хотя вы отчасти смирились было, но теперь изъ этого жива таковъ вышелъ грѣшнѣйшій укусъ, что если вы и испіете его поволю двѣ отца архимандрита»³⁾, то онъ, не хотѣя пить его, раз-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 98.

²⁾ Тамъ-же, стр. 94.

³⁾ Намекъ на ялбурзскій обрядъ, состоящій въ томъ, что возмѣвъ урочае своего прѣдела или реки, старша самъ пьетъ изъ его источника.

судить писать ко мнѣ, омочивши перо въ слезы, что славу его, достойно имъ снисканную своею ученостію, благочестіемъ и заслугами въ святой церкви, вы предъ знатыми лицами рубите въ клочья. Безъ сожалѣнія я не могъ читать столь жалостнаго письма; да кто-бы изъ насъ православныхъ не почтеть такую знаменитую и высокую въ церкви Божіей особу?... Корыстолюбивыя замашки Углицкаго вывели павловецъ изъ терѣбія архіепископа Лазаря, который въ званіи блюстителя митрополитчей канцеляріи былъ духовнымъ начальникомъ выдубецкаго игумена и отъ совѣтовъ и наставленій могъ перейти къ приказанію и даже наказанію. Лазарь послалъ Углицкому рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ: «принадлежащее (по завѣщанію) печерской обители вы забираете себѣ. Не знаю, угодевь-ли будетъ при этомъ постъ вашъ?... Защищать собственность каіега монастыря вы можете невозбранно, но не обижая никого», и въ добавокъ къ письму наложилъ на Углицкаго запрещеніе. Углицкій смирился ¹⁾).

Барановичъ цѣнилъ въ Гизелѣ главнымъ образомъ его ученость. «Безъ лести скажу, милостивый благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю, что крохѣ пречестности твоей нѣтъ у насъ другого для этого дѣла (т. е. борьбы съ католиками) Аристотеля»... Архіепископъ Лазарь охотно отдавалъ свои литературныя произведенія Иннокентію Гизелю на разсмотрѣніе и исправленіе. Такъ, посылая «Трубы», а потомъ «Лютню» въ лаврскую типографію, Барановичъ просилъ печерскаго архимандрита на досугѣ пересмотрѣть тетрадки. «Если, по усмотрѣнію вашему, писалъ онъ, угодно будетъ что выбросить, то я охотно готовъ повиноваться и очень благодаренъ буду за ваше предостереженіе». Съ подобнаго рода просьбой Барановичъ обращался и къ другимъ кіевскимъ игуменамъ. Что Иннокентій Гизель, печатая въ лаврской типографіи «Трубы» Барановича, предварительно ихъ просматривалъ и исправлялъ, свидѣтельствуетъ самъ Барановичъ. «За орошеніе евангельскаго сѣмени, писалъ онъ Гизелю, и истребленіе куколя премоного благодаренъ вамъ; покорѣйше прошу и впредь не оставлять, потому что трудъ мой долженъ подлежать суду церкви, и за то я буду вамъ весьма признателевъ» ²⁾).

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 178, 193, 194, 197.

²⁾ Тамъ-же, стр. 74—75.

Пользуясь благоразумными совѣтами печерскаго архимандрита, архіепископъ Лазарь давалъ въ свою очередь ему весьма полезныя совѣты, побуждалъ его къ литературной дѣятельности и отчасти даже дѣйствовалъ на ея направленіе. Барановичъ былъ человекъ въ высшей степени дѣятельный и энергическій. Въ его слабыхъ мѣстахъ скрывалась большая сила воли. Работая перомъ и живымъ словомъ, онъ призывалъ къ научной и литературной дѣятельности Гизеля, Гаязовскаго, Софоновича, Зеринскаго. Такъ, Барановичъ убѣдилъ Гизеля составить возраженіе на сочиненіе Бойма «Stara wiaga», направленное противъ православій. «Держайте, благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю 31 августа 1668 г., совѣтую вамъ выдруковать¹⁾ Бойму, хотя-бы изъ Кіева, безъ кія; побьютъ его порядочно в кій порфиріанскаго дерева²⁾; вдоволь испортится у него крови; пусть только благополучно дѣло кончится». Гизель составилъ свое возраженіе Боймѣ при неустаннымъ побужденіи со стороны архіепископа Лазаря. Тотъ-же Барановичъ побудилъ Гизеля издать въ свѣтъ главное его сочиненіе «Миръ съ Богомъ» и затѣмъ расположилъ въ пользу этого сочиненія московскаго царя и патріарха. Узнавъ о томъ, что Гизель готовитъ къ печати «Миръ», Барановичъ писалъ ему: «Будемъ раскаиваться, если книга о покаяніи не будетъ издана. Теперь во Израилѣ немного учителей... У васъ есть своя типографія и, по настоящему бѣдственному времени, дѣло это полезно... Теперь, когда открывается случай, пречестность ваша по предусмотрительности своей не оставьте воспользоваться имъ, чтобы предупредить народъ отъ ошибокъ. А намъ, прежде нежели ляжемъ въ могилу, дай Богъ радоваться о первенцахъ печерской типографіи. Пусть себѣ записки терзаются, а я вижу, что Россія подвигается впередъ. Мое мнѣніе о русскіяхъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею»³⁾. Когда «Миръ» былъ напечатанъ и отправленъ въ Мо-

1) Выдруковать — набить пальцами, отъ слова друкъ; выдруковать — напечатать, отъ слова друкарня; у Барановича выходитъ каламбуръ, въ смыслъ набить Бойму соображеніяхъ, какъ набой.

2) Въ диалектѣ порфиріанскіяго дерева въ названіи рядъ доказательствъ.

3) Письма Лазаря Барановича, стр. 30 и 49.

свою через печерського старця Кирилла Барановича писавъ къ царю 31 марта 1669 г.: «Къже винну душеповольную отъ шесма и святыхъ учителей собранную отъ мнротворецъ съ жалостію пріяти изволь». 4-го іюня были посланы Барановичу и Гизелю царевія грамоты съ повѣщеніемъ, что «Миръ» государемъ принятъ милостиво. «И мы, великій государь, наше царское величество, писавъ царь къ Барановичу, тому благодетелю (Автошевичу пещерѣ) Кириллу велѣли видѣти нашего п. и. величества пресвѣтлая очи и хвату у него прицали и, показавъ его вашему царскому величеству жалованьемъ, велѣли отуеззити въ кієво-печерскій монастирь къ Никоновію Гизелю, не задержавъ». Гизелю даны 200 руб., 200 четвертей ржи и утвердительная грамота на нѣсколько вновь приобретенихъ монастырскихъ земель. Гизель благодарилъ царя за его милостивое принятіе «Мира» и за жалованье. 28 октября 1669 г. послана въ Кієвъ къ Гизелю царевая грамота, съ обіщаніемъ царского покровительства относительно царя, писавши были зря зтомъ и деньги на сооруженіе монастырской колокольни¹⁾.

Свѣтлымъ и отраднымъ проявленіемъ общественной жизни въ Малороссіи въ XVII вѣкѣ, преимущественно во второй его половинѣ, было взаимное ученое и литературное содѣйствіе писателей, напр., Лазаря Барановича, Никоновіа Гизеля и Іоаннана Галаговецкаго, Лазаря Барановича и Феодосія Сафоновича, Дмитрія Туптала и Стефана Зворскана. Литературная сообщительность отчасти обуславливалась тѣмъ, что всѣ эти писатели, со включеніемъ сюда и белорусса Симеона Подольнаго, были питомцами одного и того-же высшего учебнаго заведенія, кієвской академіи, учились здѣсь почти въ одно и то-же время и, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, іерархическое ихъ положеніе было довольно сходно. Другая причина ихъ духовнаго единенія и взаимной поддержки кроется въ томъ, что главный врагъ ихъ былъ одинъ и тотъ-же, — возмущующій католицизмъ. Что въ особенности должно было связывать духовное единеніе между южно-русскими писателями второй половины XVII ст. — это неопредѣленна еще послѣ національнаго малорусскаго самосознанія. Она отбѣждалась довольно рѣзкой

¹⁾ *Акта києвскіе и земскіе Рубин.* т. VIII, XX 23 и 28; т. IX, № 26.

чертой самообитности отъ великорусскихъ того времени людей. Въ духовномъ отношеніи они ничего не заимствовали отъ нихъ, напротивъ, по причинѣ крайняго культурнаго ихъ убѣжденія, сами удѣляли имъ часть своихъ познаній и служили для нихъ учителями. Естественно, они имѣли поводъ и основаніе гордиться своей украинской наукой и литературой, и каждый изъ нихъ долженъ былъ дорожить представителями этой науки, разъ самъ причислялъ себя къ таковымъ; отсюда главнымъ образомъ происходила враждебная солидарность южно-русскихъ писателей, обмѣнъ мыслей и взаимная поддержка. Какъ ни слабо было національное ихъ самосознаніе, все таки оно въ нихъ теплилось, согревало ихъ, утѣшало ихъ въ духовно-нравственной отношеніи, удваило ихъ силы въ борьбѣ съ врагами православной вѣры, обеспечивало за ними значительную степень научнаго и литературнаго вліянія на современниковъ и приводило къ литературному соприкосновенію.

Образовавъ за собой въ общественной дѣятельности Иннокентія Гизеля въ многообразныхъ ея проявленіяхъ и опредѣленіи ея относительно противнаго его народа, мы должны сказать, что можемъ судить объ этомъ лишь приблизительно вѣрно. Ни одинъ социологъ не открылъ еще точнаго способа измерять историческое значеніе общественнаго дѣятеля. Историкъ приходится старательно собирать разномыслия обрывки и обломки минувшаго, тщательно ихъ сопоставлять, сравнивать, углубляться въ живущее мислью, сверять мерзаво старину своимъ чувствомъ, искать поддержки въ своемъ собственномъ, дисциплинированномъ въ наукомъ смыслѣ воображеніи и отгадывать то, что скрыто домыслительными памятниками, и такимъ путемъ, на основаніи старинныхъ актовъ, продуманныхъ и прочувствованныхъ, создавать вѣрную дѣятельности картину прошлой жизни, по крайней мѣрѣ, устанавливать рядъ бытовыхъ фактовъ въ ихъ послѣдовательной органической связи. Такъ и въ данномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя этому трудному и не всегда вѣрному пути въ уясненіи мало извѣстной доселѣ личности Иннокентія Гизеля, нельзя не видѣть, какия великія и существенныя услуги оказалъ онъ Малороссіи своею дѣятельностью политической, просвѣтительскою, литературною и филантропическою.

Услуги Гизеля, какъ политическаго дѣятеля, весьма разнообразны: въ этомъ отношеніи онъ широко пользовался своимъ высокимъ положеніемъ и близостию къ царю и возвышалъ свой голосъ за страну, которую считалъ родною, каждый разъ, когда къ этому представлялся поводъ или случай. Въсѣтъ съ другомъ своимъ Барановичемъ и недругомъ Месоліемъ Филимоновичемъ, Гизель ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ Польшѣ по авдрусовскому договору и чтобы великорусскіе ратные люди не опустошали малорусскихъ селъ и монастырей ¹⁾. Ходатайствовалъ онъ и о томъ, чтобы на «сѣздахъ и договорахъ (московичей съ поляками) Украина не была забыта». Такому ходатайству Гизеля въ Москвѣ былъ приданъ частный характеръ, и царь отиѣталъ ему, что боярину Аванасію Нащокину предписано «съ прилежаніемъ о всемъ говорить (съ королевскими послами) и вся требованія св. завры исполнитъ» ²⁾; но Гизелю совсѣмъ не того хотѣлось. Какъ Барановичъ и Многогрѣшникъ, и онъ, прибѣгая къ такой просьбѣ, имѣлъ въ виду, чтобы на московско-польскіе сѣзды о заключеніи мирнаго договора были допущены малорусскіе послы; но такое допущеніе не нравилось москвичамъ и въ особенности было нежелательно горюистымъ полякамъ; поляки рѣшительно отклоняли вопросъ объ участіи малорусскихъ пословъ. Въ 1669 г. Гизель просилъ царя, чтобы малорусскихъ «духовныхъ людей воеводы не судили, въ чѣмъ и въ тюрьму не сажали» ³⁾. 30 ноября 1679 г. онъ обращается къ царю Федору Алексѣевичу по поводу универсала польскаго короля, приглашавшаго православныхъ въ Люблинъ для «вѣ котораго съ униатами разговора» ⁴⁾. Какъ извѣстно, православные очень недовѣрчиво отнеслись къ устроенному униатамъ люблинскому собору и уклонились отъ участія въ немъ.

Не менѣе почтенна просвѣтительная дѣятельность Гизеля, хотя объ ней мы имѣемъ болѣе общія, нежели фактическія свѣдѣнія.

Дмитрій Туптало въ рѣчи своей, сказанной въ память и похвалу Иннокентія Гизеля, годъ спустя послѣ его смерти, замѣ-

¹⁾ Соловьевъ, т. XII, 141; Моск. Арх. М. Ив. Д. Малорос. д., св. 50.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 26.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 43, стр. 148.

⁴⁾ Моск. Архивъ М. Ив. Дѣль. Малорос. дѣла, связка 53.

тиль, что «его учительныхъ словесъ послушающіи немощные, яко лекарствомъ подерѣвлялись». Гизель, какъ всё современіе ему выдающіяся духовныя лица, говорилъ проповѣди. Проповѣдываніе слова Божія одно время даже было для него служебной обязанности, какъ профессора, потомъ ректора коллегіи. По словамъ св. Дмитрія Ростовскаго, Гизель «съ кафедры простиралъ цѣлѣй выводъ проповѣди слова Божія о царствіи Божіи и тѣмъ ловилъ людей въ смиреніе и набожность» ¹⁾. Кажется впрочемъ, что Гизель не чувствовалъ въ себѣ расположенія къ дѣятельности проповѣдника и, съ переходомъ на высшую степень печерскаго архимандрита, совсѣмъ бросилъ проповѣдь. «Пусть кто речеть, говоритъ Дмитрій Туптало, что въ Божѣ усопшій настырь, взойдя на властительствы, а особливо въ сей святой высовой обители (т. е. лаврѣ), честь, не восходилъ уже на кафедру, не сказывалъ проповѣдей; такому отвѣтвую: больше тотъ ловець премудрой Христовъ ловилъ самимъ своимъ добрымъ дѣломъ, нежели кто словомъ; больше тотъ научилъ набожнымъ своимъ жетіемъ, нежели кто мудрою проповѣдью» ²⁾... Что Гизель не дорожилъ своими проповѣдями, видно изъ того, что онъ не напечаталъ ни одной проповѣди. Такъ какъ и въ рукописи не сохранилось ни одной его проповѣди, то нѣтъ возможности опредѣлить характера его проповѣдей, ихъ составъ, къ кому онѣ были обращены, сколько ихъ было, по какимъ образцамъ были составлены и насколько были понятны народу, — были-ли это схоластическія казанья, сухія и безцвѣтныя, какъ казанья Лазаря Барановича, или въ нихъ пробивалась живая струя современности, и онѣ по содержанию и изложенію подходили къ тѣмъ сильнымъ проповѣдямъ, драгоцѣннымъ остаткомъ которыхъ представляется превосходное «Слово во время бездождія и глада» ³⁾. Если принять во вниманіе, что Гизель получалъ образованіе въ схоластическихъ академіяхъ, то вѣроятнѣе будетъ предположить, что его проповѣди болѣе походили на проповѣди Барановича, чѣмъ на единственное въ своемъ родѣ «Слово о бездождіи».

¹⁾ Св. Дмитрій, м. ростовскій, сочиненія. Изд. 3, г. III, стр. 627.

²⁾ Тамъ же, стр. 628.

³⁾ Бѣлозерскій, южнорусскія гдѣшныя, стр. 141.

Завідуюча лучшій в Малороссіі типографією і лаврскою бібліотекою, архимандритъ Иннокентій содѣйствовавъ современнымъ ему малорусскимъ писателямъ, Радивилевскому, Барановичу, Зернишаву въ ихъ литературныхъ и научныхъ работахъ; онъ снабжалъ ихъ нужными книгами и облегчалъ наборъ и печатаніе ихъ сочиненій. Нужно сказать, что типографія лаврская работала весьма медленно, и безъ содѣйствія Гизеля печатаніе сочиненія, особенно объемистаго, изъ роду «Огородка» Радивилевскаго, «Меча» и «Трубы» Барановича, могло затянуться на многіе годы. Медленность въ наборѣ и печатаніи происходила отъ малого числа типографическихъ ставковъ и отъ того, что въ смутное время военныхъ войнъ наборщики часто разбѣгались ⁴⁾. Что Гизель снабжалъ людей науки книгами, видно изъ автобіографіи Адама Зернишавы.

Адамъ Зернишавъ, родившійся въ Гронсгофеніи вѣтеринаръ, въ молодыхъ лѣтахъ объѣхалъ Германію, Англію, Голландію, Францію, Італію, Австрію, повсемѣстно занимался въ бібліотекахъ и слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ. Онъ приобрѣлъ большія свѣдѣнія по богословію, исторіи и фортификаціи. Натура крайне подвижная, благородный идеализмъ съ теплымъ релігіознымъ чувствомъ, съ стремленіемъ принести пользу своимъ соотечественникамъ, въ добавокъ челоуѣкъ довольно честолюбивый. Зернишавъ переехалъ въ Польшу, потомъ въ Ливву, наконецъ въ Малороссію. Здѣсь онъ былъ обласанъ черниговскимъ арміевскимъ Лазаремъ Барановичемъ, принялъ, по его совѣту, православіе и поступилъ на службу къ сѣтану. Призвавъ православіе въ Черниговѣ въ 1680 г., Зернишавъ отправился въ Кіевъ съ цѣлью познакомиться съ Иннокентіемъ Гизелемъ, «събъ учености и добротѣ котораго онъ много слышалъ», какъ отъячено въ его автобіографіи. Что по ознакомленіи съ Гизелемъ Зернишавъ убѣдился въ его учености и добротѣ, видно изъ того, что, по возвращеніи въ Черниговъ, онъ началъ писать для Гизеля сочиненіе объ исхожденіи св. Духа, «De processione Spiritus S.^s» ⁵⁾. Когда Зернишавъ чувствовалъ недостатокъ въ книжныхъ пособіяхъ, не могъ отыскать необходимыхъ книгъ въ Батуринѣ вѣа Черниговѣ, онъ находилъ

⁴⁾ Азты воевой в запавої Ресїї, т. IX, № 38.

⁵⁾ Труды вѣв. дук. арх. 1860 г. т. III, стр. 187.

или съ Кіевъ, куда ѣздилъ за книгами, прочитывалъ здѣсь то, что ему было нужно, и даже забиралъ съ собою книги въ Батуринъ ¹⁾, гдѣ постоянно жилъ при гетманскомъ дворѣ. Можно думать, что Зершлага снабжалъ книгами не кто другой, какъ просвѣщенный архимандритъ печерскій.

Въ исторіи южно-русской литературы Гизелью нельзя отнести много мѣста. Онъ темного писаль, и его литературное вліяніе на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія незначительно. Вскорѣ по вступленіи его на печерскую архимандрію, въ 1661 году, съ его благословенія и подъ его наблюденіемъ издавъ былъ Печерскій Патерикъ. По замѣчанію архіепископа Филарета, въ этомъ изданіи патерика сильно испорченъ текстъ древнихъ поспѣвователей ²⁾. Вторично Патерикъ Печерскій издавъ былъ при Гизелѣ въ 1678 г. ³⁾. Главнымъ произведеніемъ Гизеля, по объему книги и степени самостоятельности въ ея обработкѣ, представляется «Миръ съ Богомъ челоѣку», издавшій въ Кіевѣ въ 1669 г., вторично такъ-же въ 1671 г. «Сочиненіе не свѣлое», говоритъ о «Мирѣ архіепископъ Филаретъ ⁴⁾, вѣроятно, съ догматической точки зрѣнія. Нельзя однако не признать за нимъ значительнаго интереса въ историко-литературномъ и историко-бытовомъ отношеніяхъ.

«Миръ съ Богомъ челоѣку» (въ л., 666 стр.) ⁵⁾ посвященъ царю Алексею Михайловичу. Въ началѣ книги находится вѣрша изъ уста царя, царскій гербъ и прозаическое посвященіе книги царю. Любопытная особенность въ изображеніи царскаго герба состоитъ въ томъ, что подъ двуглавымъ орломъ изображенъ царь въ рыцарскомъ костюмѣ, за царемъ войско; передъ царемъ бѣгутъ поляки и татары въ ихъ національномъ вооруженіи. Замѣтивъ въ посвященіи о томъ, что царь зацѣпляетъ печерскую лавру, Гизель въ особенности хвалитъ его за благотворительность. «Твоего царскаго

¹⁾ Труды кiev. дух. акад. 1860. III. 195.

²⁾ Филаретъ, Обзоръ р. дух. литер., I. 285.

³⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polski., т. VIII, стр. 273.

⁴⁾ Филаретъ, Обзоръ рус. дух. литер., I, стр. 285.

⁵⁾ Мы пользовались экземпляромъ «Мира», принадлежавшемъ въ библіотекѣ Харьковской духовной семинаріи. Экземпляръ этотъ принадлежалъ некогда Стефану Яворскому и заключаетъ въ себѣ нѣсколько отрывковъ, сдѣланныхъ рукой автора.

пресвѣтлаго величества всещедрыхъ далийъ безчисленныя суть свидѣтели, всякаго чина утѣвенные люди, иже изобильную милостыню отъ твоея десницы пріемше, веселымъ лицемъ возвращаются».

Въ предисловіи къ читателю Иннокентій Гизель говоритъ: «Извѣстно есть то всѣмъ, яко сія лютая многогѣсная въ Малой Россіи брань праведнымъ судомъ Божиимъ за наши грѣхи на насъ наведена есть... Егда Господу Богу примиряся, абіе и браня свце отъ ивоцлеменныхъ на насъ напесенная, яко-же и междособныя престануть, в вся тварь, яже за обиду Божию мстящія на насъ воевала, ко примиренію съ нами преклонится. Во вся зимощедшая лютая времена воевало на насъ небо, еже вредящими своими планетами многіи болѣзни и пагубы на насъ испущало; воевала и земля обычныхъ намъ плодовъ возбраненіемъ и сѣмени умаленіемъ; воевала и вода преизлишнимъ своимъ изліаніемъ и всякихъ плодовъ рыбныхъ недеяніемъ; воевалъ и воздухъ овогда сушами, овогда градами, бурями и безмѣрными мокротами; воевалъ и огнь частымъ градомъ и странъ пожженіемъ. Нивѣ-же егда къ Господу Богу обратися, вся стихія въ пользу намъ и въ успѣхъ пособствовать будутъ, и будетъ во всей твари тишина велия и миръ многъ любящимъ законъ Божій возсіеть... Сихъ блаженствъ дабы удобнѣе всякъ человекъ достигнути могъ, се мы... предлагаемъ сію книгу, яже поучаетъ всякаго чину человека къ искорененію грѣховъ и очищенію совѣсти»... Иннокентій Гизель, составлявшій свой трудъ, между прочимъ, и по латинскимъ источникамъ, предусмотрѣлъ то обстоятельство, что его произведеніе можетъ быть принято православными не совѣмъ благосклонно. Чтобы не смущать читателя, авторъ не дѣластъ въ своемъ сочиненіи указаній и ссылокъ на латинскихъ авторовъ и въ предисловіи къ читателю прибѣгаетъ къ слѣдующей оговоркѣ: «А где остается намъ съ таковымъ читателемъ слово дѣвѣ, вже-бы восхотѣлъ, отъ коего либо подвигненія, въ чесомъ-ли буди, сему ученію прекословити. Сидеваго читателя молимъ, дабы аще что ново и странно въ сей книзѣ мѣтися ему будетъ, не абіе ся того ради отвращать и противленіемъ церкви святой то напрасно именоваль...; ибо аще что и новое здѣ обрѣталося, съ вѣрою православною соглашается... Аще-же что в отъ вѣдшвихъ учителей взято быти обряцется, молимъ, да того ради никто-же сего ученія возгнушается; ибо не токмо въ

вносѣрныхъ, но и въ едливскихъ ученіяхъ иногда истинныя и здравому разуму служащія повѣсти, яко злато посреде бѣлата, обрѣтаются». Оговорка эта, можно думать, сдѣлана не столько относительно малороссіянъ, которые давно уже привыкли пользоваться «вливающимъ учителями» для своихъ ученыхъ и литературныхъ цѣлей, а главнымъ образомъ, если не исключительно, сдѣлана авторомъ изъ вниманія къ великорусскимъ читателямъ, для которыхъ все «вышшее», все католическое и протестанское, тѣмъ болѣе языческое греко-римское, было полно ереси и потому считалось ни къ чему не пригоднымъ. Оговорку эту въ Москвѣ не долго признавали правильной, и въ 1690 г. патриархъ Іоакимъ отнесъ «Миръ съ Богомъ чловѣку» въ число зловредныхъ кievскихъ «новотворныхъ» книгъ.

Нельзя сказать, чтобы московская точка зрѣнія на «Миръ» Гизеля была ошибочной. Нужно было имѣть свѣтлый философскій умъ и глубокія богословскія свѣдѣнія, нужно было имѣть опору, такъ сказать, въ мѣстной строго-ортодоксальной богословской литературѣ, каковой, какъ извѣстно, не было ни въ сѣверной, ни въ южной Россіи, чтобы не поддаться «вливающимъ учителямъ» въ толкованіи религіозныхъ предметовъ и въ рѣшеніи спорныхъ церковныхъ вопросовъ, и Гизель значительно имъ подчинился, въ ущербъ даже чистотѣ православнаго греко-восточнаго вѣроученія. Подчиненіе Гизеля латинскимъ писателямъ обнаруживается уже на первыхъ страницахъ его объемистаго труда, въ разсужденіи о поваяніи.

Восточная церковь всегда учила, что благодать Божія дѣйствуетъ въ таинствахъ непостижимо для ума чловѣческаго и независимо отъ воли священнослужителя, отъ какого-либо обряда или изреченія. Она не замыкала благодатную силу таинства въ томъ или другомъ обрядовомъ явленіи, давая остальнымъ, съ нимъ сопрягающимся явленіямъ значеніе только украшеній и распространеній его. Далѣе, по ученію восточной церкви, священнослужитель не отдѣляется отъ тѣхъ, надъ которыми таинство совершается; онъ не «распорядитель и не хозяинъ въ домѣ благодати, во слуга ея»¹⁾. Римская церковь и въ ученіи о совершеніи та-

¹⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., стр. 245.

илство внесла начало единой абсолютной силы и власти. Но мудрованіямъ латинскихъ схоластикъ, каждый обрядъ, какъ определенное дѣло, долженъ воплѣкаться и логически развиваться изъ одной мысли, изъ одного положенія. Въ каждой строгой системѣ существенное—это положеніе, опредѣленіе; все остальное только поясненіе, доводы, доказательства или управленіе славнаго положенія; то же самое и въ обрядѣ; вся сущность его и вся сила благодати должна заключаться въ одномъ главномъ дѣйствіи его. Такимъ образомъ свобода и непостижимость благодати уничтожены схоластикой; божественная сила прикована, по произволу ея, къ одному только дѣйствію въ обрядѣ; дѣлій обрядъ пересталъ быть таинственнымъ божественнымъ учрежденіемъ и сталъ въ подчиненіе разуму. Что-же именно служить сущностью въ обрядахъ таинства? Въ каждой обрядѣ, говорили схоластики, входить невремѣнно определенное, ему только принадлежащее вещество, *матерія*, и слова, равно и дѣйствія, которыя даютъ матеріи определенное употребленіе, *форму*. Напр., въ таинствѣ крещенія матерія—вода, а форма—обливаніе ея произнесеніемъ вѣстныхъ словъ; въ таинствѣ евхаристіи матерія—хлѣбъ и вино, а форма—произнесеніемъ священникомъ слова Спасителя: *пріимите, ядите... пиите отъ чаши...* Въ строгости нашли въ каждомъ таинствѣ матерію и форму; схоластики доходили до смѣшнаго; такъ въ таинствѣ брака одна схоластикъ матеріей считала взаимное расположеніе жениха и невесты, другіе—гѣла ихъ.

Южно-русская церковь приняла схоластическое толкованіе религиозныхъ обрядовъ и таинствъ, преимущественно въ то время, когда исполненіе православныхъ церковныхъ обрядовъ поступило въ руки питомцевъ западной схоластики, Петра Могила и его помощниковъ и сотрудниковъ. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ впервые въ южно-русской церковной литературѣ появляются въ сочиненіи С. Коссова «О двестеріяхъ албо тайнахъ» 1635 года; но вполне они развиты въ приложеніи къ чинамъ южно-русской церкви Петромъ Могилою въ «Лавосѣ» 1644 г. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ вошли въ «Требникъ» Петра Могила и получили общее признаніе. Положенія эти принималъ Барановичъ и Галатовскій. Галатовскій изложилъ ихъ въ «Ключѣ Разумствія», въ казань на Богоявленіе Господне.

Иннокентій Гизель починає своє сочиненіє тѣмъ, що розпознаєть въ таинствѣ показанія матерію и форму. На страницѣ 104 читаемъ: «вѣдати подобаєть, яко до коєйждо тайны святой церковной потреби суть сія четири: *матерія*, или вещь, предложешая къ святыиѣ, *форма*, или образъ совершенія гоа святыни, *суджи-телствъ*, или дѣйствующій св. тайну и *пріемлющій*». Вообще Гизель крайне дробить церковныя установленія на части, наприкладъ, усматриваєть въ исповѣданіи грѣховъ 12 свойствъ: таинственность, смиреніе, простоту, вѣрность, послушаніе и проч.

«Миръ» раздѣляется на три большія части: 1) о цѣлостіи вообще, 2) о кающемся и 3) о духовникѣхъ.

Въ первой части Гизель говоритъ о грѣхѣ вообще, о раздѣленіи грѣха на смерный и простительный, о соображеніи вѣдѣваніе невадлежащаго созволенія, похваленія, незаконія о грѣхѣ другаго лица и т. п., о такъ называемыхъ «опрестностяхъ» грѣхактоу? что? гдѣ? когда? какимъ образомъ? Въ этомъ отдѣлѣ есть небольшая глава: «яко грѣхъ иногда можетъ и грѣхомъ не быти». «Шестъ вещь есть, шкъ-же ради грѣхъ не почитается за грѣхъ: невозжевіе, невѣдѣніе, скудость разужденія, вина благословная, разрѣшеніе и нужда. Неожженіе освобождаетъ отъ грѣха: не возвращающихъ вещи чуждая, егда нѣтъ доволства; не етущихъ обичнаго правила во время велиаго недуга; не постящихъ во время слабости; не слушающихъ въ праздникъ божественной литургіи, егда нѣтъ священника, и проч. Невѣдѣніе разумѣется здѣсь недоульмое,... яко аще-бы кто у варварь смій дѣлати хотѣлъ въ праздникъ, не могій вѣдати о праздникѣ. Скудость разужденія освобождаетъ отъ грѣха дѣло злое отрочать, изумдѣнняхъ, спящихъ, иногда же и зло пьяныхъ малое пѣкое нестроєніе. Вина благословная освобождаетъ отъ грѣха тогда, егда кто въ коємъ случаѣ творитъ противу заповѣди или уставленія человеческого, толкуючи той уставъ по разуму, яко въ такомъ случаѣ не обязуєть; яко-же егда бы кто противу уставу церковнаго ялъ рыбу въ постъ великій, ради недуга къ тому привуждающаго. Разрѣшеніе-же знаменуєть здѣ благословеніе архіерейское, данное въ коємъ случаѣ на твореніе безъ грѣха, противу уставу человеческого церковнаго, таковаго, ядрвай уставъ толкованіе-бы имѣлъ по недоумѣнію, аще обязуєть или не обязуєть въ такомъ случаѣ. Подобди нужда

свобождаетъ отъ грѣха въ дѣлахъ смертныхъ сихъ: въ неправедномъ взятіи и удержаніи вещей чуждыхъ, еже бываесть въ послѣдней ношѣ, ея-же ради не могла-бы кю отнюдь живота соблюсти, аще-бы чуждаго у себѣ не имѣлъ и тѣмъ себя не живиль. Понеже въ послѣдней нуждѣ вся суть обща, по разумѣнію учителей. И въ убійствѣ, еже бываесть въ праведномъ защищеніи живота или своего ближняго; но и въ защищеніи имѣній; злобо сихъ самихъ лучше есть отщепеняся, веже убиты». Иннокентій Гизель смотрѣлъ на человѣка глазами истиннаго христіанина, проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви въ ближнему. При всей строгости требованій относительно исполненія нравственныхъ правилъ, обнаруживаемой въ «Мирѣ», живой человѣкъ не принесся въ жертву отвлеченной идеѣ релігіозно-нравственнаго долга и прілыты во вниманіе экономическія и въ тѣсномъ смыслѣ слова физическія условія его существованія, которыя, разумѣется, могутъ быть подчасъ такъ тяжки, что человѣкъ невольно впадаетъ въ проступокъ или въ прегрѣшеніе. Весьма характерны слова Гизеля, что «въ послѣдней нуждѣ вся суть обща». Изъ какихъ-бы «учителей» онъ не почерпнулъ свой христіанско-юридическій взглядъ на значеніе и происхожденіе преступленія, взглядъ этотъ дѣлаесть честь кжно-русскому ученому. Нужно замѣтить, что мягкое, гуманное отношеніе къ человѣку вообще, къ бѣдняку въ частности проявляется во многихъ мѣстахъ «Мира»,—доказательство, что человѣколюбіе Иннокентія Гизеля не было явленіемъ случайнымъ, запущеннымъ, вызваннымъ только-что прочитанной хорошей книгой.

При перечисленіи грѣховъ противъ богословскихъ добродѣтелей (вѣры, надежды и любви), противъ десяти заповѣдей Божіихъ и противъ церковныхъ заповѣдей, Гизель прелюбопытнѣе всего говорить о послѣдней категоріи грѣховъ. Противъ церковныхъ правилъ погрѣшаютъ тѣ, которые не слушаютъ литургіи въ дни святыхъ, не соблюдаютъ постовъ, не почитають духовныхъ, не даютъ священникамъ «варошіальныхъ рочныхъ доходовъ», уклоняются отъ исповѣди и причастія, не молятся за влаетей, бракосочетаются въ запрещенные дни, отнимають у дерьвей и монастырей ихъ вмущество. Не всегда, однако, нарушеніе церковныхъ правилъ являесть грѣхомъ. Такъ по словамъ Гизеля, «вѣдати, подобаесть, яко отъ обовязку сея первыя заповѣди церковныя (поощреніе дер-

ковної служби) свободны суть... слуги, стрегущіє общія дѣлости (т. е. казенное и общественное имущество), служащій больнымъ и питающій отрочатъ, ихъ-же безбѣднѣ въ дому оставити не могутъ; такожде, иже сами слабости ради здравія своего къ церкви прійти не могутъ, или не идутъ ради убѣжанія отъ смертоопаснаго воздуха; любь ради далекаго разстоянія мѣста, вкупѣ-же и ради великаго и долгаго негодія воздушнаго, яко-же ради дождя долгаго и зѣлваго, снѣга, вихря и проч.; не повинны-же суть и тыи рабы, иже повелѣніемъ господій своихъ принуждени бывають во время божественной литургіи работати что велие, или аще и малое, но въ часомъ повинуются, да избудуть сваровъ и наказаній жестокихъ; тогда-же согрѣшають господіе, яко о спасеніи рабъ своихъ не брегуть; свободны суть послѣды и таковыи убогій, иже не имуть одѣванія, въ пемъ-же бы изъ дому возмогли ити къ церкви... Въ особенності характеризують гуманную и просвѣщенную личность Гизеля слѣдующія его слова: «Вѣдати подобаетъ, яко изряднѣйшія звыи, иже непостыщихъ освобождаютъ отъ грѣха, суть сія: лѣта, немощь, должность или трудъ, скудость, любви и благословеніе. Лѣта освобождаютъ отъ поста дѣтей, ибо дѣтямъ, по отлученіи отъ сосецъ, предъ седмью лѣтомъ (т. е. до семи лѣтъ) ослаба въ постѣ бывають; по седьмомъ-же лѣтѣ не тако; обаче къ яденію единою на день не зѣло обязуются даже до коликонадесяти лѣтъ, занеже требуютъ часто, а немного ясти, ради стяжанія подобающаго возраста... Лѣта такожде освобождаютъ отъ поста и старыхъ, занеже старыи прислунающаго ко посту брашна не возмогають единою пріятого; слабости ради стомаха своего, во утробѣ яствити и претерпѣти, но требуютъ часто и мало ясти (старость начивнается съ 70 лѣтняго возраста). Немощь, сіе есть недугъ, и слабое здравіе освобождаютъ отъ поста; и того ради, иже болѣзнь главы или стомаха терпятъ, свободными суть... Здѣ-же ослаба въ постѣ бывають жевамъ несправнымъ и дохцамъ сосцы своими отрочатъ, иже требуютъ пища не тоьмо ради себе, по и ради отрочатъ. Должность палежаная освобождаеть такожде отъ поста; яко-выи должности суть учителии труждающихся въ словѣ и учевіи, крѣшпанъ усердствующихъ и проч.; о нихъ-же, егда-бы извѣстно было, яко не возмогли-бы своя должности по достоянію исполнати, храняще постъ, тогда дѣла ради пастоящаго могутъ мало пости-

тися и дважды на день. Нарядив же труд зѣбъ тяжелъ отъ поста свободдасть, а таковой есть художниковъ, сице въ дѣлѣ древа, якоже желѣза и камене, труждающихся; такожде земледѣльцевъ, скудельниковъ, златарей, ткацелей, сапожниковъ, усмарей и тѣмъ, подобныхъ; во убо не протселей, ни иконошвенцевъ, ни мшищихъ писателей и иныхъ таковыхъ, лѣтвй трудъ и муцныхъ... Скудость свободдасть отъ поста тогда, егда во время постное иного брашна, крохѣ вѣпостнаго, не можно-бы обрѣсти; бѣзъ брашна-же стерпѣти того часа стнаде не удобно-бы было, развѣ съ нечаянїемъ живота или здравїя; такожде аще-бы кто у еретиковъ или невѣрныхъ нужду имѣлъ черезъ хранение поста изъавитися, яко есть православный или христїанскїй, и было-бы то съ бѣдою уза, муцной, смерти или пагубы имѣній; тогда якоже церковь не обязуетъ до таковая бѣды, сице не обязуетъ и до поста... Зѣбъ-же разубѣется и скудость убогихъ таковыхъ, шже, по дворахъ брашна просяще, едшымъ махымъ прїятїемъ насытїяся не могутъ; сице-нымъ не возбраняется удвоити свое укрѣпленїе, дондеже насытїяся... Любовь... аще-бы прїшлецъ былъ издалече, утружденный и укрѣпленїя тѣлеснаго зѣю требующъ, но не смѣлъ-бы подкрѣпитися въ постъ, да же бы самъ дому господнѣ съ имъ ялъ, тогда-бо господнѣ и дважды на день моль-бы ищцу прїяти; до любви-же прїслушаетъ поста икогда не хранити и ради убѣжавїа домашнїа крахоль и распри, якова бываеть между мужемъ и женой, аще-бы еднѣ отъ нихъ постнѣлъ, другому не соизволяющу. Наконецъ благословенїе, испрошенное у старѣшннвы духовнаго чархїера или священника, можетъ кося ради вны свободити отъ поста сѣвар-женнаго... аще вна есть сомнительная и невѣстная... Въ разсужденїи о посту Гизель требуетъ, чтобы лица, имѣющїа скуть и рабвз, давали имъ во время поста «брашно удобное и прїслушнщее, дабы ея укрѣпнлн и постъ пощети могли» и чтобы насильно не принуждали ихъ постнѣся, но склоняли ихъ къ тому добрымъ и ласковымъ словомъ. Въ объясненїи священникамъ, чего должны они требовать отъ каюнагося грѣшника, также проводится, такъ сказать, нравственно гуманной взглядъ на человека. Такъ въ случаѣ членовредительства виновный долженъ зѣнчїи на свой счетъ пострадавшаго и затѣмъ вознаградити его деньгами или землями или обезпечити его на всю жизнь, если виновный ему

средь лишше его возможности трудомъ добывать средства къ жизни; въ случаѣ насилья дѣвухи виновный или долженъ взять ее себѣ въ жены или дать ей приданое, съ которымъ она могла бы выйти за другого мужчаву.

Въ разнообразныхъ религіозно-нравственныхъ наставленіяхъ, наполняющихъ «Миръ», открываются нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ южно-русскаго народа въ XVII ст. Въ историко-бытовомъ отношеніи интересъ представляютъ заключающіеся во второй части «Мира» перечисленія грѣховъ духовныхъ лицъ, пановъ, крестьянъ, судей, купцовъ, ремесленниковъ, врачей, учителей и проч. т. п. Архіерей согрѣшаютъ, когда смотрятъ на епископское званіе, какъ на средство для достиженія корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ цѣлей, когда «не суть учителями ни сами черезъ себе, ниже черезъ иныхъ умныхъ и богобоязливыхъ учителей и проповѣдниковъ слова Божія», если не созывать мѣстныхъ епархіальныхъ соборовъ для осужденія церковныхъ дѣлъ, «често ради потреба нѣтъ-бы на всяко мѣсто соборъ помѣстный имѣти», если не обязываютъ епархію, рукополагать недостойныхъ лицъ въ священники, ищутъ «безмолвнаго себе гдѣ на единѣ жилии... еже есть противу естественнаго закона, яже обязываетъ предпочитати добро общее надъ уединенное». Главными грѣхами священниковъ поставлены рѣдкое и небрежное исполненіе церковныхъ службъ и церковныхъ требъ. Провѣдники согрѣшаютъ, когда не облачаютъ въ грѣхахъ (безъ именования лицъ) тѣхъ, преступивъ которыхъ ясно обнаружилось, когда въ угоду мірскимъ людямъ сурово облачаютъ духовенство, когда говорятъ о ложныхъ чудесахъ. Вообще, духовныя лица согрѣшаютъ, когда церковное имущество расточаютъ, употребляя его «на сласти или преизбытокъ въ пищѣ и одеждѣ», когда вмѣшиваются въ мірскія дѣла, предаются взыску и извѣстѣ. Родители согрѣшаютъ, когда для дѣченія большихъ дѣтей приглашаютъ бабъ чарующихъ или шепчущихъ, не обуздываютъ въ дѣтяхъ дурныхъ вклонностей, не обучаютъ дѣтей грамотѣ или ремеслу, насильно заставляютъ вступити въ бракъ, принуждаютъ въ постриженію въ иночество, отказываются содержать и воспитывать дѣтей, прижитыхъ внѣ законнаго брака («отъ любодѣнія рожденных»). Грѣхи государственныхъ правителей: обложеніе народа большими налогами и податями съ

своекорыстною цѣлью, отягощеніе народа подводной и постоянными повинностями, стѣсненіе свободы въ куплѣ и продажѣ, присвоеніе имущества церковнаго, вдовъ, сиротъ, больницъ, небрежность относительно безопасности путешественниковъ отъ разбойниковъ и исправности мостовъ, насиліе въ заключеніи браковъ, присужденіе смертной казни безъ суда и проч. т. п. Грѣхи царскихъ совѣтниковъ: небрежность въ защитѣ отечества отъ враговъ, растрата общественныхъ денегъ, нарушеніе народныхъ вольностей и старинныхъ крѣпостныхъ актовъ безъ изволенія высшей власти, неправильное установленіе цѣнъ на съѣстные продукты, постановленіе въ чиновники людей лѣсныхъ и корыстолюбивыхъ и проч. т. п. Въ иностранномъ перечеисленіи грѣховъ судей, писарей, конюховъ, купцовъ, ремесленниковъ, учителей и пров. можно остановиться на слѣдующемъ: плѣнникамъ запрещается проклинать дею своего рожденія и своихъ родителей; запрещается, въ случаѣ женитьбы на чужбинѣ, бросать жену и дѣтей въ невѣрной странѣ; воины согрѣшаютъ, причиняя народу насиліе, когда «бьютъ, мучатъ, забираютъ нуждою повозниковъ и труждаютъ ихъ долго; когда военачальники въ корыстныхъ цѣляхъ удерживаютъ солдатское жалованье, уменьшаютъ продовольствіе». Купцы согрѣшаютъ, между прочимъ, въ томъ случаѣ, когда продаютъ еретическія книги, иконы «блудическія, натеранія къ украшенію лицъ женамъ» и проч. т. п. и когда снабжаютъ чужеземцевъ оружіемъ. Плотники и каменщики согрѣшаютъ, когда берутся строить еврейскій или языческій храмъ. Врачи согрѣшаютъ, когда прибѣгаютъ къ волхвованіямъ или заговорамъ во время болѣзни зубовъ и кровозеченія, когда вытрапляютъ плодъ или даютъ средства къ возбужденію половой дѣятельности; аптекаря согрѣшаютъ, когда ошибаются въ приготовленіи лѣкарства, держать испорченный товаръ, продаютъ его выше вадлежащей стоимости, по предварительному соглашенію съ врачами. На 426 страницѣ Гизель говоритъ, что «простые», т. е. неграмотные должны звать святолю въры, молитву Господню и десять заповѣдей. «Мнози-же обрѣтаются, замѣчаетъ онъ, иже и состарѣлася уже, а не умѣють положити на себѣ креста святаго». Это—слишкомъ рѣзкое и не основательное замѣчаніе. По свидѣтельству Павла александскаго, посѣтившаго Россію въ половинѣ XVII ст., въ Малороссіи большинство народа, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, знало на

память не только молитвы, но даже церковный порядок службы и пѣнія, и не только мужчины, но даже жепцким и дѣвочки. Священники брали на себя обучение сиротъ и не позволяли имъ оставаться въ невѣжество¹⁾.

Изъ отдѣльныхъ церковно-бытовыхъ мелочей, отмѣченныхъ въ «Мирѣ», не лишено интереса высказанное на 154 страницѣ требованіе, чтобы женихъ при бракосочетаніи имѣлъ не менѣе 14 лѣтъ, а невѣста 12 лѣтъ. Этотъ возрастъ признавъ достаточнымъ и по половой зрѣлости.

Направленное противъ іезуита Боймы сочиненіе Гизеля «О истинной вѣрѣ» написано по настоянію Лазаря Барановича. Въ ряду сочиненій противъ католиковъ трудъ Гизеля принадлежитъ въ воздѣлимъ по времени и по значенію къ слабымъ по внутреннему достоинству. Древнѣйшимъ юго-западно-русскимъ сочиненіемъ противъ католиковъ считается «На обличеніе и на посрамленіе ляхамъ и латышамъ» XV вѣка²⁾; если не считать противъ-латинскихъ сочиненій русскихъ митрополитовъ до-монгольскаго періода. Къ 1578—1580 годамъ относится сборникъ полемическихъ сочиненій противъ жидовъ, протестантовъ и магометанъ, составленный въ супрасльскомъ монастырѣ, а нѣмѣ хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, въ древлехранительствѣ Помодина³⁾. Съ возникновеніемъ въ южной Россіи униі, т. е. съ конца шестнадцатаго столѣтія, южно-русская противъ-латинская литература сильно разрастается. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія противъ католичества писали священники острожскій Василій, наставникъ львовской братской школы, потомъ энергическій виленьскій проповѣдникъ Стефанъ Зяваций, затѣмъ Христофоръ Броцскій, — человекъ глубокаго ума, тѣлесный маюрисѣвникъ по языку Юаннъ Выменскій, талантливый Мелетій Сморгонскій, труженникъ науки Захарія Коштынскій. Въ концѣ XVII в. главными литературными противниками латино-униатовъ выступилъ Петръ Могила. Для позднѣйшихъ писателей, Барановича, Галатов-

¹⁾ Рудневскій, Религіи свѣтъ бытъ русскія, стр. 177.

²⁾ А. Пашевъ, «Обзоръ древне-рускаго полемическаго сочиненія противъ латинскія М—XV вв.», 1875 г., стр. 155—175.

³⁾ А. Пашевъ, въ «Чтеніяхъ въ Общ. пет. и дрв. рос.» 1879, I, стр. 41.

скаго и Гизеля подѣ обвинительнаго богословія было достаточно расчищено, и они съ успѣхомъ трудились на немъ. Главнымъ дѣятелемъ въ области религіозной полемики во второй половинѣ ХУІІ ст. былъ Барановичъ, который и самъ работалъ въ этой области, и притягъ къ полемикѣ Галатовскаго и Гизеля. Сочиненіе «О истинной вѣрѣ» было готово въ 1671 г. Барановичъ ознакомился съ нимъ въ рукописи, и оно ему не совсѣмъ понравилось. Не нравилась ему именнѣ рѣзкость полемическаго тона. «Сочиненіе предостойное! писать Барановичъ Гизелю 13 мая 1671 г. Не стыдно пречестности твоей и подписаться своимъ именемъ подѣ произведеніемъ своимъ. Надобно только слогъ смягчить, тѣмъ болѣе, что самый предметъ настоятельно этого требуетъ; пусть себѣ они сердятся на авторовъ, откуда это заимствовано, а волкостей не примѣшываютъ; самый предметъ доведеть до безмолія противника; нѣсколько рѣзкій слогъ можетъ повредить нашимъ православнымъ въ тамошнихъ краяхъ». Въ письмѣ отъ 13 августа 1671 г. Барановичъ замѣтилъ Гизелю: «хорошо заключеніе (т. е. сочиненіе), но оскорбительно; лучше подражать Христу; научитесь отъ Меня, ибо я протокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ (Матѣ. II, 39)». Гизель хотѣлъ присоединить свое сочиненіе къ «Новой Мѣрѣ» Барановича и издать ихъ вмѣстѣ; но Барановичъ этому воспротивился. «Мѣрѣ никакъ невозможно трудъ пречестности твоей соединить съ своимъ трудомъ, писать онъ Гизелю. Если-бы это была часть, то можно-бы было и присоединять; но такое превосходное и полное сочиненіе, по всей справедливости, достойно и праведно, прилично и для церкви полезно издать въ свѣтъ во всемъ его составѣ»¹⁾ Изъ того обстоятельства, что Гизель свое сочиненіе желалъ присоединить къ «Новой Мѣрѣ» Барановича, видно, что оно также было написано на польскомъ языкѣ. О сочиненіи Гизеля упоминаетъ архіепископъ Филаретъ и Вннокентій, причемъ первый называетъ его сочиненіемъ слабымъ²⁾. Не видно однако, чтобы кто либо въ дѣйствительности прочиталъ это сочиненіе. Такъ Филаретъ не приводитъ ни названія заглавію, ни рода писанія, не указываетъ на величину книги, не касается ее

¹⁾ Писма Лазаря Барановича, стр. 143, 153.

²⁾ Филаретъ, общаго р. изд. изд. т. I, стр. 285.

содержанія. Сколько намъ извѣстно по каталогамъ и по личнымъ и письменнымъ справкамъ, сочиненіе Гизеля «Объ истинной вѣрѣ» не оказывается ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ. То обстоятельство, что изъ современниковъ Гизеля никто не упоминаетъ «Объ истинной вѣрѣ», какъ о сочиненіи вышедшемъ уже въ свѣтъ, что неизвѣстно ни одного латинскаго возраженія на это сочиненіе, ни одной ссылки на него православною авторомъ, въ связи съ тѣмъ, что новѣйшіе изслѣдователи польской и малорусской литературы упоминаютъ лишь названіе этой книги, и самой книги не находится въ такихъ богатыхъ южно-русскими старопечатными книгами бібліотекахъ, какъ бібліотека Румищевскаго музея, кіевской духовной академіи и харьковской духовной семинаріи, все это въ совокупности можетъ привести къ той мысли, что Гизель признавалъ слабость своего сочиненія или излишнюю рѣзкость полемическаго тона и не далъ ему хода. Разумѣется, предположеніе это остается только предположеніемъ, вѣроятнымъ до нѣкоторой степени, по изложеннымъ выше соображеніямъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать возможности того, что сочиненіе Гизеля благополучно появилось на свѣтъ, быть можетъ, въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ, и, какъ сочиненіе ничѣмъ особеннымъ не выдающееся въ ряду религіозно-полемическихъ сочиненій, не было читаемо, было забыто, и потому могло сохраниться въ одномъ, двухъ, трехъ экземплярахъ, покоящихся въ какихъ нибудь старинныхъ польскихъ бібліотекахъ. Разнообразный и обширный составъ южно-русской бібліографіи прежнихъ временъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, не опредѣленъ даже простымъ перечнемъ названій.

Въ исторіи русской исторической литературы имя Инноцентія Гизеля не можетъ быть пройдено молчаніемъ. Трудъ его «СинOPSIS» былъ въ старинное время единственнымъ учебникомъ исторіи. Въ основаніе «Синопсиса» легла хроника Феодосія Софоновича о событіяхъ въ Россіи до 1290 г., составленная по кіевской и волынской літописямъ; въ хроникѣ этой прибавлены краткія свѣдѣнія о послѣдующихъ событіяхъ Россіи и потомъ краткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго ¹⁾. Последнее

¹⁾ Фазаретъ, Обзоръ р. д. литер., т. I, стр. 234.

добавленіє сохранилось въ рукописи въ бібліотекѣ московскаго Архива Мян. Ин. Дѣль. Въ рукописи этой находится 1) «хроника о земли польской» (отъ Леха до 1673 г.), составленная болышею частью по Бѣльскому и 2) «хроника о початку и названіи Литвы», составленная главнымъ образомъ по Стрыйковскому; событія здѣсь доведены до 1529 г. «Синописецъ» Гизеля есть передѣлка хроники Софоновича, съ дополненіями. До исторіи Ломоносова «Синописецъ» Гизеля, за неизвѣстіемъ другихъ, былъ классическимъ сочиненіемъ. Было много изданій «Синописца», въ 1674, 1676, 1680, 1718, 1810 годахъ. Последнее изданіе (1810) сдѣлано академіей наукъ¹⁾. Св. Димитрій ростовскій приложилъ «Синописецъ» Гизеля къ своей лѣтописи, въ концѣ ея, безъ измѣненій²⁾.

Въ началѣ «Синописца» говорится о Ноѣ и трехъ его сыновьяхъ, Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, о пронохожденіи славянъ отъ Іафета, а самого названія ихъ отъ славы, потому что съ древнихъ временъ прославились своими военными подвигами; затѣмъ слѣдуетъ глава о вольности славянской, гдѣ говорится, что славяне помогли Филиппу Македонскому и сыну его Александру Великому и отъ послѣдняго получили «привилегіи или грамоту, на пергаментѣ златомъ написанную, въ Александрии, вольности и земли имъ утверждающую, въ 310 г. до Рождества Христова». Затѣмъ говорится, что Октавіанъ Августъ уважалъ славянъ за ихъ храбрость и впоследствии «связь пѣкій славенороссійскій Одоацерь войною доставъ Рима, держалъ его подъ властью своею 30 лѣтъ»... Въ концѣ затѣмъ идетъ краткое сообщеніе объ Азій, Африкѣ и Европѣ. «Еще есть, говорится здѣсь, и четвертая часть вселенныя Америка, яже нарицается новой свѣтъ; но яко сія послѣди прочихъ новоизобрѣтена, сего ради безъ описанія оставляется». Послѣ этой небольшой вставки слѣдуетъ краткая глава о пронохожденіи названія Россія: русскіе, по мнѣнію однихъ, отъ г. Русы, что близъ Новгорода, по мнѣнію другихъ, отъ рѣки Росы, отъ русскихъ волеи, по мнѣнію Стрыйковскаго, принятому авторомъ Синописца, отъ слова «разсѣланіе», потому что они поселились на обширномъ пространствѣ, далѣе глава о народѣ сарматскомъ (поляки, русскіе, литовцы), глава

1) Wiszniewski, Hist. liter. polsk., т. VIII, стр. 401.

2) Св. Димитрій Ростовскій, Сочиненія, т. III, въ концѣ, стр. 1—143.

о народѣ роксолавскомъ (то же русскіе), съ производствомъ козаковъ отъ полководца Козака, побѣдившаго татаръ, татаръ отъ Тартара, Литвы отъ царскаго сына Литвса, Москвы отъ сына Гафстога Мосоха, глава о мѣстоположеніи и величинѣ Москвы, краткія главы о хазарахъ и кимврахъ. Захѣтивъ далѣе о преславномъ, верховномъ и всего народа російскаго главномъ градѣ Кіевѣ, Гизель говоритъ о Кіѣ, Щевѣ и Хоривѣ, призвавіи варяжскихъ князей въ Новгородѣ, покореніи ими южной Россіи, о княженіи Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Ярополка, Владимира, о крещеніи послѣдняго. Въ исторію княженія Владимира вставлены двѣ любопытныя главы, составленныя по Кромеру и Стрыйковскому, глава объ подлахъ (Шерувъ, Волюсь, Похвистъ, Ладъ, Дель, Полель, Купало, Коляда, Сладъ или Осладъ, Корша или Херсъ, Дашубъ или Дажбъ, Стрийбогъ, Семаргъ, Макишъ), и глава объ обливаніи водою въ Великъ-день. Главы эти интересны для мѣтолога. Основываясь на Кромерѣ, Гизель прибавляетъ кое-что и отъ себя. Любопытно, наприм., подробное описаніе купальскихъ огней и обливанія водою въ Свѣтлое Воскресеніе. Любопытно указаніе, что колядки начинали пѣть наканунѣ праздника Рождества Христова, 24 декабря, и при этомъ кереряживались. Отдѣлъ Синописа о Владимірѣ одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, насчитывается пять крещеній русскыхъ; пятое совершено Владиміромъ. Здѣсь-же говорится о Десятинной церкви въ Кіевѣ. Затѣмъ слѣдуютъ главы о княженіи Святослава, Ярослава, Изяслава, Всеволода, Святослава II, Владимира Мономаха, Мстислава и др., до намѣстствія Батма. Захѣтивъ о намѣстствіи татаръ и разореніи печерской лавры, Гизель вскорѣ переходитъ къ Дмитрію Донскому и подробно говоритъ о Куликовской битвѣ. Повѣствованіе о княженіи Дмитрія составляетъ почти треть книги. Сказавъ о гибели Мамая, Гизель переходитъ къ исторіи кіевскаго княжества, сначала подъ турецкимъ игомъ, потомъ подъ властью Литвы. Гизель говоритъ, что «грѣхъ ради человѣческихъ», по поущенію Божию, кіевское княженіе было обращено въ воеводства, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ воеводъ кіевскихъ, поставленныхъ польскими королями, вѣтievато и мимоходомъ захѣчаетъ о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ въ 1654 г., о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича и затѣмъ сразу переходитъ къ турецкимъ походамъ подъ Чв-

гарнизь, которые платается самостоятельно, какъ современникъ. «Синописецъ» заканчивается подробнымъ сообщеніемъ о силѣ московскихъ и козацкихъ войскъ, приближенныхъ въ Киевъ въ 1679 г. на оборону святыхъ мѣстъ киевскихъ отъ грозившаго турецкаго нашествія.

Разсмотрѣніе «Синописца» приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Малороссіи отведено въ немъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ Великороссіи, притомъ въ исторіи московскаго государства проведена молчаніемъ цѣлѣя великія низверженія и царствованія, напр. правленіе Ивана III, правленіе Ивана IV, упомянуто о такихъ событіяхъ, какъ покореніе Новгорода, исправленіе божеслужебныхъ книгъ при Псковѣ. 2) Историческія событія въ московскомъ государствѣ поставлены въ «Синописецѣ» такъ, что должны довольнѣе собой иklarазъяслять событія малорусской исторіи. 3) Авторъ «Синописца» любитъ малороссіянъ и уважаетъ великороссіянъ; онъ гордится силой Москвы и съ большимъ почтеніемъ отзывается о московскихъ царяхъ; въ то же время онъ изстаетъ вражду къ бусурманамъ татарамъ. 4) Авторъ «Синописца» очень рѣдко говоритъ о Польнѣ и полякахъ, не обнаруживая враждебнаго къ нимъ отношенія. 5) Съ вѣншей стороны «Синописецъ», за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Гизель говоритъ о царѣ, отличается обиліемъ фактовъ и изложеніемъ сподобнымъ, простымъ и яснымъ.

Общій выводъ о «Синописецѣ» тотъ, что въ Малороссіи въ XVII и XVIII ст. это была полезная книга. Отноительно развитія и укрѣпленія національнаго чувства, «Синописецъ», разумѣется, не могъ спорить съ козацкой кроничкой, въ родѣ Чернытовской лѣтописи: но такія кронички были рѣдкостью, составляли фамильное достояніе и очень немногіе могли читать ихъ. Синописецъ-же былъ общедоступной книгой. Его можно было найти въ монастырской библіотекѣ, можно было купить у странствующаго книжанаго торговца. Въ Великороссіи «Синописецъ» долженъ былъ представляться книгой менѣе интересной и менѣе полезной, чѣмъ въ Малороссіи, и удивительно только удивляться его продолжительной популярности въ Москвѣ. Въ немъ было мало московскаго содержанія. «Синописецъ», какъ учебникъ, въ Великороссіи представляется явленіемъ настолько-же неудовлетворительнымъ, какъ, напримѣръ, учебникъ Пловайскаго по русской исторіи книгъ въ Малороссіи. Въ этомъ учебникѣ, какъ

извѣство, о Болотинковѣ говорится болѣе, чѣмъ о Ковалевичѣ Сагайдачкомъ, о великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ рѣчь идетъ на нѣсколькихъ страницахъ крупнымъ шрифтомъ, а о Петрѣ Могилѣ въ нѣсколькихъ строкахъ скромнымъ петитомъ. Какъ великороссіане въ началѣ XVIII ст. не усматривали въ «Синословѣ» ничего слова о патрирхѣ Никонѣ, такъ современное южно-русское учащееся юное общество, одолевъ объемистую русскую исторію Плювайскаго, остается въ полномъ невѣдѣніи того, что въ южной Россіи въ XVII ст. были, напр., такой энергическій и честный защитникъ православія, какъ Іоаннъ Вышневскій, такой филологъ, какъ Іаковъ Бернштадъ, такіе крупные политическіе и литературные дѣятели, какъ Барановичъ, Галаховскій. Гизель, была такая героическая личность, какъ заложеннѣй копейкой Іванъ Сѣрко, остается въ невѣдѣніи того, что такое историческая дума народная. Не будемъ-же строго осуждать «Синословъ» за односторонность, тѣмъ болѣе, что не знаемъ, для чего собственно предназначалась эта книга, какъ великъ долженъ былъ быть районъ ея распространенія, въ первоначальной мысли автора. Можетъ быть, Синословъ предназначался авторомъ только для Малороссіи: въ такомъ случаѣ вопросъ о неполнотѣ и односторонности устраняется самъ собою.

О добротѣ сердца и благотворительности Гизеля сохранились весьма похвалыные отзывы его современниковъ, Зеринскаго, Радвильскаго и Тунтала. Зеринскавъ свидѣтельствуеть, что о добротѣ Гизеля много говорили въ обществѣ Ч. Антоній Радвильскій собирающъ своихъ проповѣдей «Огородовъ Маріи Богородицы» (1676 г.) посвятилъ Гизелю. Въ предисловіи къ Гизелю онъ говорить: «Милостячому мѣѣ, кому бы-мъ сей начатокъ працы моея по преблаженнословенной Маріи Богородици, патронки нашей, мѣѣ приписать и офѣрвати, висоце въ Богу превезебшии отче архимандрита пещерскій, отче, пастиру, патроне и добродѣлю мой великій, врипла на память една сентенція римскаго красомовца, который такъ мовить: невдячпый есть, которій, вольна добродѣйство, не признавається до ошато, же взялъ... А такъ во первыхъ, абымъ ея не показала невдячпымъ въ непризнаваня вѣтхыхъ добродѣйствъ, признаваю, жемъ досить великихъ въ сей святой пещерской общелѣ дозволя отъ пре-

*) Труды кievской духовной академіи 1860, т. III, стр. 187.

велебности твоей благодаривъ. Если уважаю мешканя моего въ обители сей святой печерской початокъ, той ни на чомъ нишомъ не быть заложень, только на щегульвой по преблагословенной Дѣвѣ Маріи Богородици ласкъ и добродѣйствъ превелебности твоей, который мене непотребного раба въ злыи военныи небезпечныи часы, якъ ласкавый отецъ сына своего, до себе пригорнувши, зависъшь мнѣ гойныи при любви своей отеческой высвѣдчати рачиль добротности... Если припомню себѣ, презъ лѣтъ уже то подь двадцать, въ обители св. печерской мешканя мое, признаваю, же не было того дня, которого быкъ твоей отеческой не доспалъ къ себѣ любви и ласки. Что справовало, жесь мене недостойного раба своего межи чествою св. великой обители печерской получивши братію, наосредь учиниль проповѣданкомъ слова Божого и братомъ соборнымъ, а потохъ намѣстникомъ?—Особливая любовь и ласка превелебности твоей. Что справовало припомъ, жесь не хотѣль, абы и сія моя подная праца была въ пѣску невѣдомости людской загребена, але которые-жъ словеса, якъ тутъ при бытности твоей въ святой великой чудотворной обители печерской, такъ и въ иныихъ кіевскихъ обителяхъ святыхъ съ катедры до людей проповѣдалъ, абы тое типомъ изображенное свѣту оказало бжло? Справовала то особливая къ мнѣ любовь и ласка превелебности твоей; бо гдѣ-бы въ томъ любви и ласки отеческой твоей ко мнѣ не было, я быкъ ся самъ, будучи подлон науки, нѣколи того не важиль, чого и высокои науки люде заледво ея важать... Правдять хотячему мнѣ сей Огородокъ маріашскій превелебности твоей, добродѣви моему, приписати, стануло въ очи великое превелебности твоей смиреніе, которое съ великими твоими добродѣйствами къ мнѣ оказанными валчачи, чинило мнѣ ветрентъ, приводячи на память тое, же оъ людей на семь свѣтѣ жадной не потребуешь славы, памятуочи на слова Господни: «славы оъ человекъ не приѣмлю»; але по долгой спорѣ смиренія твоего съ добродѣйствами, триумфують великіи твои къ мнѣ освѣдченни добродѣйства... Имять Аристотелесъ, же есть въ Сциллии жродлю *накиснатию воду*, въ котормъ гди будетъ погружено пластво умерлое оживеть, и кто-жъ не призвать, же естесъ такимъ жродломъ превелебность твоя? бо якъ въ онои жродлѣ вода пластво умерлое оживляетъ, такъ милосердіе твое невдвухъ и утраленныхъ людей, яко то вдовъ, сиротъ, пришельцовъ, неволь-

нково, недостаткомъ и голодомъ зморенихъ класне обживають... Не єдинъ бо зъ людей утраченихъ, отъ неприятели зъ добръ власнихъ вигнаний и зъ всего обнажений, не маючи гдѣ приклонити главы, въ кievской области отъ зима, воготы и гладу умерти мусѣли, їди бы его превелебность твоя добродѣйствомъ своимъ не притулила, не прештала, не приодѣла и не надарила»¹⁾. По словамъ св. Дмитрія Ростовскаго, Иннокентій Гизель «крыли земліи пасаждалъ обильно въ полѣ, въ рукахъ убогихъ, плодовитый былъ милостиви раздаватель: такъ былъ милостивъ къ убогимъ, что его другимъ Иоанномъ Милостивымъ называли. То его было украшеніе—нищаго утехити; то его была утѣха—алчущаго напоити; то его крыны—нагаго одѣти... Сей то былъ отецъ сиротамъ, что и найменьшаго не презрѣлъ, по ласковымъ своимъ вань окомъ презрѣлъ; сей то былъ пастырь овцамъ, что и найподлѣбнѣй овецкѣ промышлялъ довольное прокормленіе; сей то былъ благодѣтель, отъ котораго ницъто тѣма не отошелъ рукама»²⁾.

18 ноября 1683 года скончался Гизель³⁾. Самуилъ Величко въ своей Лѣтописи замѣтилъ: «нарочитый и знаменитый Иннокентій Гизель, архимандритъ кievо-печерскій, мужъ премудрый, столпъ благочестія святаго целоколевия, свѣтло церковное, чрезъ пацѣ смертвое стаснуло»⁴⁾. 28 ноября 1683 г. гетманъ Самойловичъ уведомилъ московское правительство о кончинѣ Иннокентія Гизела и просилъ разрѣшити избрать для лауры новаго архимандрита⁵⁾. Въ концѣ того-же 1683 г. патриархъ Іоакимъ писалъ

¹⁾ Антоній Радивилевскій, «Городокъ Марія Богородицы». Второе посвященіе (первое обращено къ Богородицѣ). Одинъ экземпляръ «Городка» находится въ фундаментальной бібліотекѣ зарковскаго университета; одинъ экземпляръ въ зарковской духовной семинаріи.

²⁾ Св. Дмитрій, митрополитъ ростовскій, Сочиненія. изд. 5, т. III, стр. 451.

³⁾ Позднѣе слово Дмитрія Туптала Гизелю, проклясенное годъ спустя послѣ его кончины, помѣщено 24 февраля 1685 г. Вѣроятно по этой причинѣ въ лѣтописахъ историкъ литературы, напр. въ «Обзорѣ» Филарета, годомъ смерти Гизела поставленъ 1684. Но цифра эта невѣрна. По хлосочлененнымъ и достовернымъ свидѣтельствамъ, Гизель скончался въ ноябрѣ 1683 г.; свидѣтельства эти: «Лѣтопись» С. Велички, «Черкавская лѣтопись» Бѣзмерскаго, грамоты гетмана и патриарха.

⁴⁾ С. Величко, Лѣтопись, т. II, стр. 530.

⁵⁾ Московскій Архивъ Уяв. Пав. Д. Малорос. дѣла, связки 60—61.

гетману: «Егда наша мѣрность писаніе любви твоея приять, кое намъ извѣстное вѣдѣніе сотворило о отшествіи ко Богу жизни сея Иннокентія Гизеля, кіево-печерскаго архимандрита, уже добродѣтельный мужъ и вашей мѣрности любезенъ бѣ, абіе жалѣнемъ по немъ содеражахомся»¹⁾. Патриархъ послалъ свое благословеніе на избраніе новаго архимандрита. Избраніа удостоился игумень кіево-печерскаго монастыря, Варлаамъ Яевскій.

Годъ спустя послѣ кончины Иннокентія Гизеля, Дмитрій Туптало въ кіево-печерской лаврѣ сказалъ въ память его похвальное слово, или «Ирмиду», весьма пространное, обильное текстами изъ св. писанія и разными схоластическими сравненіями и уподобленіями. «Такому человѣку, говорили проповѣдникъ, въ Бозѣ успишему господину отцу Иннокентію Гизелю..., отцу и пастырю нашему господню нинѣ отправляемъ память, котораго память не отидеть, а имя его и въ послѣдующіе вѣки жити будетъ, котораго мудрость и постороннимъ известна, а за добрыя свои дѣла въ устахъ всѣхъ имѣеть хвалу. Тутъ и ты, смерть, не берешь, ибо «унованіе его безсмертіа исполнено». И ты, время, своимъ забвѣніа зубамъ такого человѣка не изгрызешь памяти, ибо «въ память вѣчную будетъ праведникъ»...

Н. В. Сумцовъ.

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи. Ч. I, т. V, стр. 211.